

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.А. БУНИНА»

А.А. Дякина

ИВАН БУНИН – ПУБЛИЦИСТ

**Учебно-методическое
пособие**

Елец – 2020

УДК 82-92
ББК 84
Д 99

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина
от 28.01.2020 г., протокол № 1

Рецензенты:

О. В. Шаталова, доктор филологических наук, доцент
(ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского»);

Р.М. Иванова, кандидат филологических наук, доцент
(ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»)

А.А. Дякина

Д 99 Иван Бунин – публицист: учебно-методическое пособие. – Елец:
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
2020. – 95 с.
ISBN 978-5-00151-120-5

В пособии рассматривается публицистическое творчество И.А. Бунина, тесными узами связанное с журналистикой России и русской эмиграцией. Представлены два этапа его развития: отечественный и зарубежный, имеющие общее идейное, проблемно-тематическое и образное пространство, объединенные устойчивой авторской позицией.

Пособие адресовано студентам-филологам, аспирантам, преподавателям.

УДК 82-92
ББК 84

ISBN 978-5-00151-120-5

© ФГБОУ ВО «Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публицистика занимает особое место в творческом наследии И.А. Бунина. Этот род его деятельности напрямую связан с газетно-журнальным миром России и русского зарубежья, отношения с которым развивались на протяжении всей жизни и были поистине многогранными. На страницах периодических изданий Бунин выступал как автор статей, очерков, обзоров, рецензий, фельетонов. Его ранние литературно-критические работы в проблемно-тематическом плане отражали художественные поиски начинающего писателя. Свойственные первым статьям элементы публицистичности перекликались с проблемами современной литературы, духовной атмосферой современности. В эмиграции, особенно в первые годы, выступления писателя на страницах газет и журналов в большей степени носили политический характер и принципиально отличались по своему звучанию от художественных произведений. Однако, как справедливо замечено, «писательская публицистика – это не что-то дополнительное к основному творчеству, а естественное продолжение этого творчества, но в иных формах» [32]. Бунин-публицист в этом смысле не исключение. Но что парадоксально, из всего достаточно обширного публицистического наследия писателя именно политическая его часть оказалась наиболее востребованной не только зарубежной Россией 1920-х годов, но и поколением потомков рубежа XX-XXI веков.

Когда во второй половине 1980-х круг чтения любителей словесности пополнился публицистикой Бунина, начался новый этап в изучении и осмыслении его творческого наследия. После семидесяти лет забвения перед отечественными исследователями предстал не только выдающийся мастер художественного слова, но и создатель ярких публицистических произведений, нещадно обличающих большевизм и Советскую власть. Появившиеся на волне перестройки, такого рода статьи, заметки и дневники писателя органически вписывались в многоликий процесс переосмысления ценностей, кардинальной ломки общественного сознания.

Особую роль в атмосфере обостренного внимания к Бунину сыграла книга «Публицистика 1918-1953 годов», которая сопровождалась серьезным научным комментарием и вступительной статьей О.Н. Михайлова. Содержание произведений, представленных в издании, перекликалось с работами В.В. Лаврова [23] и Ю. Мальцева [27] об эмигрантском периоде творчества писателя. Контекстуальной ос-

новой осмысления публицистического наследия Бунина стали активно издававшиеся в эти годы работы, так или иначе связанные с культурным феноменом белой эмиграции.

С 1990-х годов внимание ученых так же привлекала книга «Окаянные дни» – публицистическое произведение, созданное на основе записей художника в революционном 1917 году и во время Гражданской войны. Здесь рассматривались текстологические аспекты, мотивно-образная структура, проблемно-тематическое пространство, жанровое своеобразие. Одним из центральных объектов изучения становится и речь Бунина «Миссия русской эмиграции», воспринятая как «голос правды», «мудрое пророчество», звучащее сквозь толщу лет. Определяется привлекательный компаративистский подход, позволяющий соотнести взгляды писателя на общественно-политические проблемы с его современниками.

В начале 2000-х годов появляются основательные работы, посвященные публицистике Бунина, его сотрудничеству с газетами Одессы («Южное обозрение», «Южное слово»), Прибалтики («Сегодня»), подробно анализируется ранняя деятельность писателя в «Орловском вестнике», вводятся в научный оборот ранее не известные статьи Бунина-публициста.

В последние два десятилетия внимание к публицистической составляющей творчества Бунина связано с крупными юбилеями: 100-летием Октябрьской революции и 150-летием со дня рождения самого писателя. Несомненный вклад в сохранение и популяризацию наследия художника вносит масштабный проект ИМЛИ РАН «Академический Бунин», аккумулирующий на базе Интернет-ресурса достижения современного отечественного буниноведения.

Данное учебно-методическое пособие отражает отечественный и зарубежный этапы в развитии публицистического мастерства Бунина, позволяет понять их общность и своеобразие.

I. ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА И.А. БУНИНА

§ 1. Ранние литературно-критические статьи Бунина – первый шаг к публицистике

Формирование и становление личности Бунина – художника слова неразрывными нитями связано с отечественной периодикой. Начало этого творческого союза было положено в Озёрской усадьбе, где с юности он был приобщен к традиции чтения толстых журналов. Здесь и в Глотово, где Бунин часто бывал в доме своих родственников Пушешниковых, мелкопоместные читали «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Родник», «Сверчок», газету «Орловский вестник». У соседей по усадьбе Рышковых он брал журнал «Русская мысль»; у Цвилленевых – «Северный вестник» [24, с. 542, 553].

Ю.А. Бунин вспоминал, что с 1886 года, когда он стал активно заниматься образованием младшего брата, в Озерки выписали «Неделю» и «Книжки «Недели», а с лета 1887 года – журнал «Русская мысль» [24, с. 43]. В ноябре 1888 года, будучи начинающим автором, Бунин записался в Елецкую библиотеку.

К концу 1880-х гг. журнальные публикации стали предметом постоянного внимания будущего писателя: они позволяли не только знакомиться с новинками современной литературы, но и определять собственные эстетические вкусы, вырабатывать критический взгляд на словесное искусство. По этому поводу Юлий Алексеевич замечал: «Ваня самостоятельно оценивал ту или иную статью, то или иное произведение литературы. Я старался не подавлять его авторитетом, заставляя его развивать мысль для доказательства правоты своих суждений и вкуса» [24, с. 32].

В 1880 – 90-е гг. Бунин направляет свои произведения в разные издания, пытается установить связи с журналами: «Наблюдатель», «Книжки "Недели"», «Вестник Европы», «Русское богатство», «Иллюстрированный мир», «Северный вестник», «Север», «Мир Божий», «Нива», «Новое слово», «Русская мысль», «Труд», «Новое время», «Всемирная иллюстрация», «Живописное обозрение», «Детское чтение», «Всходы»; газетами: «Русская жизнь», «Газета А. Гайцука», «Полтавские губернские ведомости», «Орловский вестник», «Одесские новости», «Ялта», «Киевское слово», «Южное обозрение». Позже в «Автобиографической заметке» он писал: «Читал я тогда что по-

пало: и старые, и новые журналы, и Лермонтова, и Жуковского, и Шиллера, и Веневитинова, и Тургенева, и Маколея, и Шекспира, и Белинского...» [9, с. 259]. Постоянно занимаясь самообразованием, он писал стихи, пробовал переводить с немецкого, английского, французского.

Стихотворением «Над могилой Надсона» Бунин дебютировал в февральском номере петербургского иллюстрированного журнала «Родина», выходившего в качестве приложения к одноименной газете политики и общественной жизни и здесь же получил ответ редакции: «Ст. Измалково. И.А. Бу-ну. Трудитесь, со временем выйдет прок. Из присыла некоторые возьмем» (рубрика «Почтовый ящик») [24, с. 39]. С этого времени публикации в издании становятся систематическими. За один только 1887 год увидели свет 12 стихотворений и 2 рассказа Бунина. Сотрудничество с «Родиной» продолжалось до 1892 года. В журнале публиковались стихи, рассказы, очерки и литературно-критические статьи молодого автора, постепенно осваивающего разные жанры творчества. Не следует забывать и о том, что публикации в газетах и журналах были его единственным доходом. В мае 1898 года Бунин писал С.Н. Кривенко: «...Мне очень нужна работа и я обращаюсь к Вам за помощью в этом. Работа, конечно, газетная, - мне нужна более или менее постоянная. Нельзя ли что-нибудь получить в "Сыне Отечества" вроде фельетонных обзоров исторических, педагогических, детских журналов, писем из Москвы, более или менее частых заметок по библиографии и т.п.» [13, с. 253]. Так в силу материального неблагополучия связи с газетно-журнальным миром стали определяющими в развитии молодого писателя. Они дали возможность обрести своего читателя, постепенно сформировать свой неповторимый творческий портрет.

Вполне закономерно, что именно на страницах периодического издания в 1880-е годы появляется первая статья Бунина, касающейся общих проблем эстетики – «Наброски. Несколько слов к вопросу об искусстве» (газета «Родина», № 6). Знакомство с содержанием работы позволяет понять, как начинающий автор пытается определить роль и назначение искусства. Он отмечает: «Высоко прекрасные предметы, путем постепенного воздействия на человека могут утончать его вкус и будить дремавшие склонности к возвышенному и прекрасному, а так как в человеке все свойства души находятся во взаимодействии, то эстетическое развитие косвенно влияет и на нравственность, а с другой стороны, так как прекрасное, нравственное и полезное весьма

часто сочетаются друг с другом, то искусство, облекая полезное в прекрасную форму, придает ему еще больше значения и цены...» [24, с. 47]. Отсюда органично вытекают те основополагающие принципы, которые будут исповедоваться Буниным на протяжении всей жизни: значимость произведений искусства как фактора духовного воспитания, ответственность писателя за свой труд, бережное отношение к слову.

Эти эстетические и одновременно нравственные установки отражены в первой литературно-критической статье Бунина «Поэт-самоучка. По поводу стихотворений Е.И. Назарова», опубликованной в журнале «Родина» (июнь, 1888 г.). Состоявшееся незадолго до этого личное знакомство с провинциальным поэтом-самоучкой стало не только толчком к написанию данной статьи, но и послужило источником к размышлениям более широкого плана.

Следует отдать должное: Бунин весьма деликатно разбирает произведения поэта-самоучки, исходя из его жизненных обстоятельств, не позволивших «задаткам истинного искусства» «вполне развиваться». Он апеллирует к литературным критикам, которые, по его мнению, не должны обходить вниманием таких сочинителей, и тем хуже – иронизировать на их счет. По убеждению Бунина, при иных условиях – необходимой поддержке со стороны интеллигенции, которая «могла бы не упускать из виду подобных личностей, вводить их в круг широких, умственных интересов, стараться развивать эстетический вкус» – из Назарова «вышел бы хороший поэт» [25, с. 295]. В доказательство творческого потенциала автора сборника приводится ряд «очень хороших» стихотворений: «Памяти Надсона», «Встреча Нового года», «Море житейское», причем последнее цитируется полностью.

В этой связи молодой критик ставит серьезную общественно значимую проблему о необходимости «сплоченной и объединенной корпорации» «семьи литераторов» – организации литературных обществ, в рамках которых, авторы, особенно молодые, могли бы развиваться, получать помощь и поддержку в творческом плане [25, с. 290]. Этот шаг представляется писателю наиболее значимым в русле современных призывов, обращенных к интеллигенции, «прийти на помощь народу». Бунин предлагает вполне конкретные формы такой поддержки, жизненно важные для тех, кто не принадлежит «по происхождению и материальным достаткам к интеллигентному и привилегированному классу». Он предлагает «направлять на истинный

путь и способствовать совершенствованию тех проблесков народной мысли, которые сами собой начинают обнаруживаться», помогать «интеллектуальному развитию наиболее талантливых людей из народа» [25, с. 290].

Рассмотрение вопросов художественного творчества в живом соотношении, непосредственной связи с социальными, культурно-историческими проблемами расставляет актуальные публицистические акценты в тексте бунинской статьи. Такой подход к рассмотрению литературных явлений станет определяющим для писателя.

Весьма характерно для Бунина-публициста заявленное уже в первой работе особое внимание к истокам творческого сознания, «почве», формирующей талант. Так, произведения Е.И. Назарова прекрасно иллюстрируют те жизненные испытания, которые выпали на долю поэта-самоучки. «Безысходная скорбь» [25, с. 294]; «крайне грустный отпечаток» [25, с. 293], звучащие в стихах Назарова, связаны с тем, что «на своем жизненном пути он почти вовсе не встречал таких людей, которые бы сочувственно отнеслись к его стремлениям к поэзии и искусству, – большинство, напротив, насмеялись над подобными порывами, считая их ребяческими затеями, не ведущими ни к какой цели» [25, с. 293]. Так постепенно молодой автор подходит к проблеме, над которой будет много размышлять и впредь, – соразмерность «данного» Богом и «отданного», реализованного таланта.

Самому Бунину как поэту в это время советами и наставлениями помогал опытный литератор, редактор П.А. Гайдебуров. В частности, он писал: «Советуем не лениться тщательной обработкой Ваших опытов и читать, даже изучать Пушкина, Лермонтова, Майкова, Тютчева и др. наших поэтов» (24 июня 1888 г.) [24, с. 49]. Более того, Гайдебуров следил за развитием таланта Бунина, о чем свидетельствуют его письма к молодому автору. 9 октября 1888 года издатель «Недели» предупреждал о необходимости остерегаться журналов, подобных «Родине». Его насторожил тот факт, что редактор издания не исправил стихотворный текст Бунина в том месте, где требовалась очевидная правка, и таким образом не помог начинающему автору ни в развитии его «дарования», ни в становлении «литературной репутации». Очень важно, что подобное предостережение было сделано на самом раннем этапе формирования Бунина-поэта, который в ту пору внимательно прислушивался к авторитетным рекомендациям.

Однако, имея некоторые «обязанности» перед изданием: обещал ежемесячно присылать статью («журнальное обозрение»), Бунин не

считал возможным сразу прекратить отношения с «Родиной». На этот счет он советуется с братом, но публиковаться в журнале не перестает. Вместе с тем пожелание Гайдебурова об изучении классической литературы совпадало с ориентацией самого Бунина на шедевры отечественной и зарубежной классики, на определение их в качестве эталона в оценке современного творчества. Причем делает это, словно в противовес существующей журнальной критике, готовой воспевать модные тенденции, забывая существующие традиции. В адрес такой критики молодой автор высказывает серьезные претензии, считает, что подобная позиция нисколько не способствует формированию эстетических вкусов публики. Развивает эту мысль статья «Недостатки современной поэзии», опубликованная в журнале «Родина» (июль, 1888 г.).

Начиная с позитивных оценок общей литературной атмосферы, в которой «возрос интерес к лирической поэзии и появилось значительное количество поэтов, часто весьма талантливых и даровитых» [9, с. 487], Бунин переходит к проблемам. Он соглашается в целом с оценками современной поэзии, которая, по мнению критики, страдает «излишним увлечением личными, индивидуальными чувствами», «нытьем, принявшим эпидемические размеры», «отсутствием искренности», усилением «натянутой тенденциозности на гражданские мотивы», «несовершенством поэтической формы и непониманием требований изящного искусства». Автор статьи признает, что в подобных упреках есть «серьезная доля правды», но, к сожалению, «невероятные несообразности и преувеличения» свойственны и в самой критике.

В качестве примера «несообразностей», царящих в журнальной критике, Бунин приводит рецензии на произведения г. Фофанова. Одни издания ставят их автора «выше всех» современных лириков («Еженедельное обозрение»), другие, напротив, «не только не считают г. Фофанова поэтом», но даже относят его «и к стихотворцам весьма плохим» («Русская мысль») [9, с. 488]. Подобные «недоразумения», по убеждению Бунина, обусловлены отсутствием четких критериев оценки произведений искусства. Поэтому он считает своим долгом остановиться подробнее на вопросе об общих принципах, «полагаемых в основании лирической поэзии и искусства вообще» [9, с. 488]. Автор статьи напоминает о самых очевидных вещах, о том, что всякое произведение «складывается из двух элементов: содержания и формы», что «содержание поэтических произведений может

носить в себе отпечаток как общемировых вопросов, так и тех, которые составляют насущную злобу дня». Что же касается воспитательного потенциала, которым обладает творчество, то оно состоит в необходимости «направлять ближних к добру и прекрасному» [9, с. 489], быть «могущественным двигателем цивилизации и нравственного совершенствования людей» [9, с. 490]. Бунин особо отмечает потребность в тематическом многообразии поэзии, но при этом подчеркивает, что тема сама по себе не определяет тональность произведения или авторское к ней отношение: за каждой из них стоит конкретный поэт и его выбор. Следовательно, «мрачное, пессимистическое направление современной поэзии», вошедшее в моду, есть не что иное, как установка самой современной поэзии. Упадочнические настроения «представляют собой явление ненормальное» [9, с. 492], – убежден молодой критик. Выход из подобного повсеместного пессимизма он видит один – каждый автор должен найти свое выражение, выработать свой характер и волю, не погружаться в исключительно личные чувства, измельчающие душу, а также и не поддаваться царящей моде и рутине» [9, с. 493]. На эти слова молодого писателя стоит обратить особое внимание, так как к заключенной в них мысли он будет постоянно возвращаться. В 1912 году она мощно зазвучит в его «Речи на юбилее газеты «Русские ведомости». И в это время, и спустя многие десятилетия, оратора упрекали в том, что, якобы, только став академиком (1910 г.), он начал резко критиковать современное искусство. На самом деле, как мы видим, этот критический настрой в отношении поголовного увлечения модными тенденциями, обозначился уже в раннем творчестве.

Суждения о содержании поэзии Бунин подкрепляет цитатами из отечественной классики, а когда переходит к вопросу о форме современных произведений, то уже более категорично заявляет о недостаточном внимании нынешних авторов к «классическим образцам своего искусства» [9, с. 493] и не только мирового, но, прежде всего, отечественного. Словесное искусство автор рассматривает как дело общественно значимое, а потому ответственность за его состояние несут и старшие поэты, которые могли бы советами помогать начинающим литераторам, особенно, живущим в провинции, и редакторы изданий, которые должны быть добросовестными рецензентами и наставниками. Напомним, что статья публиковалась в журнале «Родина», где Бунин уже столкнулся с «некачественным редактированием».

В завершении автор обозначает принципиально важную для себя позицию: погрешности в стихах не могут быть оправданы поспешностью авторов, которых материальные трудности побуждают как можно быстрее заработать на публикации стихов.

Полемический настрой, четкое определение собственных установок, соотношение прошлого и современного искусства в пользу приоритета первого – вот те качества зрелой публицистики Бунина, которые намечены в его первой статье.

В ранних работах молодого писателя смело применяются экспрессивно-оценочные средства, подчеркивающие его отношение к оцениваемым явлениям. К примеру, автор называет «Еженедельное обозрение» «журнальчиком»; упоминает об «изданиях низшего калибра», чем «Русская мысль»; упрекает Буренина в том, что он «ополчился на современных поэтов» [9, с. 488]. Метафоричность как «признак образной мысли» в публицистике [37] придает оценкам Бунина разнообразные оттенки и выражает решительный настрой на острую критику, полемику с оппонентами.

Спустя месяц (август 1888 г.) в газете «Родина» он публикует журнальный обзор «Периодические издания», в котором дает характеристику литературы первого полугодия 1888 года и смело утверждает, что за это время «ничего выдающегося, вполне художественного... не появилось», более того – «некоторые журналы страдают страшной бессодержательностью». Бунин останавливается на июньском номере журнала «Русская мысль»; подробно разбирает очерк Г.И. Успенского «Взбрело в башку», который, по его мнению, вряд ли можно отнести к числу «выдающихся произведений нашего даровитого писателя»; и в конечном итоге предполагает «очень несчастливое» окончание года, судя по тем произведениям, которые уже были опубликованы в журнале [24, с. 50]. Вместе с тем обозреватель весьма прозорливо определяет «автора года», который «окончательно завоевал себе имя талантливого и подающего большие надежды» писателя – А.П. Чехов.

К начальному периоду творчества также принадлежат литературно-критические работы Бунина, увидевшие свет на страницах «Орловского вестника»: «К будущей биографии Н.В. Успенского», «Маленькая беседа», «Памяти Т.Г. Шевченко», «Новые течения». Каждое из произведений имеет вполне самостоятельное значение, вместе с тем может рассматриваться как составная часть формирую-

щейся художественно-эстетической и нравственно-философской системы писателя.

Поводом к написанию первой статьи стало самоубийство Н.В. Успенского в октябре 1889 года. Личность и творчество «одного из первых и крупнейших народных писателей, совершенно особой, своеобразной школы, зародившейся в шестидесятых годах» [9, с. 495] и прежде привлекала внимание Бунина. Кроме того, молодой автор был с ним, как любил сам выражаться, «из одних квасов»: Успенский происходил из села Шипово Тульской губернии, находившегося не-подалеку от родных мест Бунина и связанного с именем Лермонтова. Статья, цель которой состояла в передаче «очень характеристических фактов... интимной жизни», так необходимых будущему биографу писателя, была опубликована «Орловским вестником» в мае 1890 года (№ 125). Уже само название работы говорило о том, что ее автор был убежден: подробная биография Успенского непременно должна быть написана. Сам он тщательно собирал сведения, которые могут быть использованы. Началось с того, что Бунин отправил «Письмо в редакцию» газет «Орловский вестник», «Минский листок», «Полтавские губернские ведомости», «Киевское слово» [24, с. 205, 206, 207] с просьбой о помощи в сборе материалов о жизни и деятельности Н.В. Успенского.

Как ясно из самого текста статьи, для сбора необходимых сведений Бунин предпринял поездку в село Лобаново Ефремовского уезда Тульской губернии, где писатель часто бывал и где проживал его «тесть и друг детства... священник А.И.У., человек очень образованный и развитой» [9, с. 496]. Автор упоминает о том, как и где он собирал материал: его собеседниками были посетители питейных заведений, куда часто заезжал Успенский, мужики лобановского винокуренного завода, с которыми он общался, кабатчик, на которого Успенский написал заявление в полицию, другие жители села. Полученные сведения Бунин считал достоверными, ручался за их подлинность («Их каждый может проверить в том же Лобанове» [9, с. 501]; «...не верить таким рассказам было невозможно: во-первых, – не могут же все врать, и одинаково, а во-вторых, за правдивость говорила и сама бесхитростная передача, не бившая на эффект или на «поражение» слушателя» [9, с. 499]. Опросы, проведенные Буниным в селе, показали, что Успенского все воспринимали как «обыкновенного бродягу-пьянчугу». Никто не верил в его «учение», талант, потому что грамотность и образованность в сознании селян не соотносились

с тем образом жизни, который вел Успенский – «шлялся нищесбродом» [9, с. 499].

Единственным человеком, который не осуждал и не посмеивался над опустившимся писателем, был его тесть. Вероятно, в силу своего воспитания и священнического сана он видел в писателе «слишком недюженного человека, слишком глубокую натуру» [9, с. 496]. Вслед за своим собеседником Бунин смотрит на жизнь Успенского как «оригинальную и печально своеобразную», «одинокую, загубленную» [9, с. 501]. Он не пытается объяснить те или иные поступки писателя, оправдать или осудить его поведение, он только приводит факты, которые помогли бы разгадать тайну его «ненормальной тяжелой участи» [9, с. 495]. Конечно, для рядового читателя эта загадка была трудно разрешимой, ведь жизнь Успенского никак не соотносилась с логикой обывательского прагматизма. Действительно, как понять и оправдать беспечность, с которой он распорядился подаренной Тургеневым землей, судьбой своей малолетней дочери, ставшей бродягой вместе с отцом, наконец, – своим выдающимся талантом. Думается, самому Бунину, который в эти годы только пробивался в большую литературу, восторгаясь каждым «настоящим писателем», также сложно было понять выбор Н. Успенским своего жизненного пути. Двадцатилетний автор статьи, однако, обладал достаточным тактом, чтобы не злорадствовать вместе с жителями села Лобаново: «Зарезался, слава богу, как пес какой...» [9, с. 500], «не улыбаться вместе с другими» [9, с. 501], а лишь думать «горькую думу» [9, с. 501]. Тема таланта, данного человеку Богом, будет звучать не однажды в разных жанрах его творчества. О «загубленном таланте» Бунин вспомнит и в образе Якова Савельевича (очерк «Мелкопоместные»), и в образе учителя Ромашкова (роман «Жизнь Арсеньева»). Итоговые суждения автора о том, что, завершая свой жизненный путь, человек будет держать ответ перед Творцом за то, как он распорядился вверенными ему талантами, прозвучат в рассказе «Бернар».

Спустя три года после смерти Н. Успенского Бунин вновь обращается к его трагической судьбе. В газете «Русская жизнь» (1892, № 333, 8 декабря) выходит его статья «Забытый человек». Гораздо позже (в записях 1927 года) Бунин отмечал: «Увлекался я в молодости и Николаем Успенским, и опять не только в силу его дарования, но в силу и личной судьбы его, во многом схожей с судьбой Левитова: страшные загадки русской души уже волновали, возбуждали мое

внимание [9, с. 274]. Заключительная фраза писателя многое объясняет в выборе героя его ранних статей.

Итак, с одной стороны, загадка души Успенского привлекает внимание писателя, с другой, - отношение общества к его судьбе. Бунин с горечью констатирует, что российская печать фактически проигнорировала трагическую смерть «одного из первых русских писателей, сердечно, но беспристрастно посвятивших свой талант изображению деревенской народной жизни и вообще «мелкого», серого люда» [25, с. 310]. По прошествии трех лет ситуация еще более усугубилась: Успенского просто забыли. И забыли несправедливо. Бунин же напротив выделяет его как «человека с большой наблюдательностью, большим знанием деревни, сочинения которого, в ряду других произведений народнической литературы, всегда будут отмечаться в истории развития русского общества» [25, с. 311]. Вместе с тем, совершенно очевидно, что Успенский отдал меньше, чем ему было дано природой. Эту трагическую несоразмерность Бунин объясняет тем, что «Николай Васильевич принадлежит к числу русских писателей «неудачников», которые «унесли с собой в могилу тайну своей горькой участи» [25, с. 311]. Для того, чтобы оживить память о писателе – народнике, Бунин вновь обращается к его жизни. В этой работе представлены по сути те же сведения, что и в статье «К будущей биографии Н.В. Успенского», но поданы они иначе – более емко. Самое значимое обобщение заключено в названии статьи, которое, по сути, отражает характерные явления российской действительности и русской ментальности.

Тема писательской судьбы продолжена в статье «Памяти Т.Г. Шевченко» («Орловский вестник», 1891, № 56). Выбор героя определен тем, что еще в ранней юности, а особенно во время своего путешествия по Украине (летом 1890 г.), Бунин увлекся поэзией Шевченко, читал его произведения на языке оригинала, знал наизусть и был уверен, что великого Кобзаря переводят не всегда удачно, «много ниже подлинника» [13, с. 23]. «Глубокая поэтическая грусть», «музыкальность звучания» [13, с. 24] стихов Шевченко восхищали молодого автора. Но вместе с творчеством его привлекала личность, «нравственный образ поэта-самоучки» [25, с. 301]. Вспоминая «задушевные песни и думы, полные самой простой высокой поэзии и красоты» [25, с. 301], в 30-летнюю годовщину смерти Шевченко Бунин раскрывает перед читателем «грустную историю» судьбы поэта.

Главный акцент Бунин делает на простоте, открытости Шевченко, которые привлекали людей: «Все знакомые любили поэта за его искренность, задушевность и малороссийский юмор» [25, с. 303], его особенно любили дети, дамы подчас подшучивали над его мешковатостью, а он отвечал им доброй улыбкой и стихами-прибаутками [28, с. 303].

Как верно заметил А.С. Логвинов, «несмотря на узкие рамки газетной статьи, Бунин обнаружил в ней хорошее знание биографической литературы о Шевченко, которая могла быть тогда доступна ему; статья свидетельствует также о незаурядном знании автором поэзии Шевченко и о серьезном, вдумчивом к ней отношении» [25, с. 301]. Однако о поэзии Шевченко автор статьи говорит только в заключительной части и делает это, словно в подтверждение сказанного о его личности и судьбе. Бунин пишет: «Вообще то, что светилося в песнях и думах Тараса Григорьевича, было сразу заметно и в его характере. Только в первых, как в выразителях его лучших поэтических минут, было больше грусти, оставленной невеселой судьбой» [25, с. 302]. Интересно, что в статье цитируется только два произведения Шевченко, но с каждым из них автор обращается к читателям, побуждает вспомнить и другие стихи великого Кобзаря. Такой прием создает особый, доверительный тон повествования, располагает к лирическому настроению, раздумью, которым Бунин завершает свою работу. Он мысленно подходит к могиле Шевченко, поэтизирует простоту и величие места: «Говорят – хорошо там: веет вольный степной ветер, далеко разлился Днепр, далеко стелятся степи, синеют «могилы», греет южное жаркое солнце, да зеленеет высокая трава» [25, с. 30].

Заключительные строки напрямую соотносятся с записями В.Н. Муромцевой, в которых упоминается о впечатлениях писателя от его посещения Канева: «Он признавался, что ни одна могила великих людей его так не трогала, как могила Шевченко, находившаяся близ старинного города Канева, «места крови», где почивают на старинных кладбищах герои и защитники казачества. Могила находится на горе, откуда вид на Днепр, на далекие долины, на рассыпанные села, на то, что так любил украинский поэт. Могила простая, с белым крестом...» [28, с. 110]. В этой простоте и величии, соединенном в одном человеке, выходе из народа, вероятно, и скрывалась та удивительная притягательность Шевченко, к которой Бунин прикоснулся еще в юности, а позже попытался приблизить своего читателя.

Рассмотрение ранних литературно-критических работ Бунина позволяет говорить о формировании системы его эстетических и философских ценностей, в которой уже прочерчены отдельные принципиально значимые грани. Первая из них связана с тем, что начинающего писателя интересуют вопросы зарождения и развития таланта, истоки мастерства художника слова. В этой связи он обращается к изучению среды, питающей и вдохновляющей творчество. Бунин внимательно всматривается в родословную писателя, изучает факты его жизненного пути и приходит к выводу о том, что истоки художественного сознания могут быть совершенно разными, но сами по себе они не определяют способность к творчеству. Всякая сфера жизни достойна внимания художника, потому Бунин ратует за тематическое и проблемное многообразие поисков. С другой стороны, среда либо содействует, либо тормозит развитие таланта, создавая препятствия на пути творческой мысли. Но даже в последнем случае талант может развиваться и укрепляться – все зависит от степени дарования (Назаров – Шевченко). Кроме того, неблагоприятная среда в конечном итоге обогащает человека сложным жизненным опытом, глубокими переживаниями, придающими произведениям искусства силу «притягательной печали» (Шевченко).

Еще одно пространство, исследуемое Буниным, – личность художника, ответственность человека за свой талант. Здесь фактически два полюса: Успенский, имевший все возможности для творческого развития, но растративший свой талант на бродяжничество и питейные заведения, потерявший к концу жизни всякие приличные связи, сыскавший среди людей презрительную усмешку и прозвище Мефистофель; и Шевченко, крепостной крестьянин, упорно шедший к просвещению, развивавший и укреплявший свой дар к слову, рисованию, ставший выдающимся мастером, оставивший по себе добрую и светлую память.

Наконец, одной из серьезных проблем, рассматриваемых Буниным-критиком, становится отношение к талантливому человеку со стороны общества: собратьев по перу, критики, читательской и обывательской среды. Начинающий писатель столкнулся с отсутствием в современной ему критике четких критериев оценки произведений искусства, а значит наличие возможности произвольного, весьма субъективного истолкования тех или иных произведений (Фофанов). Такая критика, по мнению Бунина, не способна сформировать у читателя верное представление о ценности опубликованного, т.е. не может

воспитывать и развивать художественный вкус. Что касается отношения между писателями, то Бунин постоянно подчеркивает значимость таковых и для начинающих авторов, и для авторов из народа, не имевших возможности постоянного приобщения к развитой интеллектуальной среде, и для взаимного обогащения писателей разных уровней в процессе творческого и личного общения.

Две статьи из ранних работ Бунина стоят особняком: «Маленькая беседа» («Орловский вестник», 1891, № 27) и «Новые течения» («Орловский вестник», 1891, № 109, 111). Первая разоблачает точку зрения журнала «Север» на развитие русской поэзии послепушкинского периода, вторая – осуждает позиции таких крупных газет, как «Гражданин», «Московские ведомости» и их единомышленников в провинции, сетующих на упадок литературы и печати. Обе работы имеют форму «прямого публицистического выступления» [25, с. 305] и демонстрируют уверенную позицию молодого автора, его настрой решительно отстаивать свою точку зрения. В «Маленькой беседе» прослеживается развитие пушкинских литературно-критических традиций («О журнальной критике», «О записках Видока», «Торжество дружбы...», др.). Статья представляет собой несогласие, протест против уже существующего мнения, высказанного каким-либо автором открыто или анонимно; в этой связи используется прямое обращение к самому оппоненту, доказательства и весь ход мысли обращен именно к нему, но и к читателю как публичному свидетелю «полемики».

В отношении своего оппонента (г. библиографа «Севера») Бунин, вслед за Пушкиным, допускает открытые колкости (к примеру, говорит, что автор заметки «взял из прописи» мысль о том, что Пушкин – великий поэт, а его эпоха была эпохой расцвета поэзии), намеки на незнание или не понимание им рассматриваемых литературных явлений («...неужели неизвестно г. библиографу «Севера», что «поэзия везде, где есть жизнь?» «...не помнит ли он, что сам Пушкин завещал поэту «глаголом жечь сердца людей?» [25, с. 298].

Бунин не согласен с тем, что после Пушкина наступил упадок поэзии, виною которого Некрасов и его последователи (Надсон, к примеру). Защищая не столько самого Некрасова, сколько линию литературы, связанную с отражением социальных проблем, Бунин пишет: «Некрасов – представитель нового духа поэзии, поэт, затронувший общественные мотивы; затронул он их, может быть, и неверно, но как же говорить, что совсем-то не следует затрагивать таких мотивов? Какое же это будет «развитие», какое же это движение «колеса»,

с которым автор заметки сравнивает общественную жизнь?» [25, с. 298].

Бунин не считает возможным свести послепушкинскую поэзию только к линии Фета и приводит примеры не совсем удачных фетовских строк, причем вырванных из контекста, и потому звучащих нелепо. Цитируя стихотворение Фета «Царь-Колокол», Бунин язвительно замечает, что подобные строки «подходят в какой-нибудь журнальчик для отдела «Афоризмов и шарад», но они никак не могут быть «образцами настоящей истинной поэзии» [25, с. 299].

Выступление Бунина в защиту многообразия поэтического воплощения жизненных переживаний станет одним из наиболее устойчивых компонентов его художественно-эстетической системы, равно как и разоблачение входившего в моду «фетовского» направления как единственно возможного развития отечественной лирики, выразителями которого станут русские модернисты.

О тенденциях, появившихся в отечественной печати конца 1880-х годов и тоже связанных с «толками об упадке литературы», Бунин размышляет в статье «Новые течения» («Орловский вестник», 1891, № 139, май). Анализируя состояние газетной периодики, автор отмечает современные веяния, появившиеся в провинциальной и столичной прессе: говорит, прежде всего, об изменении соотношения количество-качество. Наплыв столичных изданий, по мнению Бунина, привел к существенному снижению их качества: «Столичные газеты вообще, за редкими исключениями, не представляют теперь руководящих органов с твердыми, определенными взглядами и серьезным, искренним тоном статей и фельетонов» [25, с. 306]. Автор упоминает о причинах, приведших к подобному состоянию, но не анализирует их, т.к. считает всем понятными, а разговоры о них надоевшими. Он убежден в необходимости остановиться на более интересных явлениях, именно, тенденциях, наметившихся в провинциальной прессе. Прежде всего, автор утверждает, что провинциальная печать развивается и качественно, и количественно. «Свежие и новые течения мыслей», «свежая и здравая статейка, которой должна бы позавидовать любая столичная газета» – такими терминами определяет Бунин состояние провинциальной печати. Он подробно останавливается на опубликованной в киевской газете «По морю и суше» статье, в которой дается серьезный и глубокий анализ ситуации, существующей в современной периодике. Бунин во многом согласен с автором публикации и вообще приветствует «честные, смелые и трезвые речи на-

ших собратьев в приволжских и среднерусских городах, на юге, на Кавказе и в Сибири» [25, с. 306].

Но помимо уже отмеченных в статье характерных явлений провинциальной печати, Бунин как опытный сотрудник одного из подобных изданий указывает на серьезное изменение качества официальных «Губернских ведомостей». Именно в них он обнаруживает те «новые течения», о которых заявлено в заголовке. Бунин утверждает, что эти газеты в последнее время «значительно расширяют свою деятельность и придают интерес и живость статьям своих неофициальных отделов», поэтому во многих городах они успешно конкурируют с неофициальными газетами, а подчас приобретают большее значение. В пример автор приводит такие издания, как «Курские», «Тамбовские», «Черниговские» и особо выделяет «Харьковские губернские ведомости». Последние не только выглядят более респектабельно в сравнении с «Южным краем» - «одним из типичных мракобесов провинции», но и по сути являются выразителем общественного мнения прогрессивной земской интеллигенции, изданием, одним из «самых серьезных, сдержанных и интересных», проникнутых «гуманной терпимостью» [25, с. 307].

В целом Бунин солидарен с мнением автора киевской газеты о том, что «большая и лучшая часть русской областной печати, бесспорно, принадлежит к прогрессивному направлению», «по общим теоретическим вопросам высказывается довольно свободно, энергично полемизируя с темными силами столичной прессы» [25, с. 307]. Кроме того, Бунин уверен, что, несмотря на систематические нападки со стороны столичной прессы («Московских ведомостей», например, на «Орловский вестник»), ведущие к подрыву кредита доверия областной печати, последняя будет не только существовать, но и успешно развиваться, коль общество «будет относиться чутко и внимательно к ее интересам» [25, с. 308].

Статья Бунина достаточно показательна в плане характеристики газетного мира России 1880-х – начала 90-х годов. Прежде всего, становится очевидным факт повышения роли газеты в общественной жизни страны. Газета рассматривается как средство выражения и позиционирования мнений и взглядов отдельных социальных слоев, направлений общественной мысли. Активно развивающаяся провинциальная печать наравне с прессой столичной, подчас не уступая ей в качественном отношении, вступает в читательское пространство. Обе ветви развития отечественной газетной прессы прекрасно информи-

рованы об издательской ситуации в стране, о деятельности друг друга, о реакции читателей на свои публикации. Причем, если внимание провинциальных газет к столичным флагманам печати традиционно, то обратный процесс столь пристального интереса столичных изданий к провинциальным, пожалуй, можно рассматривать как признак сложившейся конкретно временной социокультурной ситуации.

Литературно-критические работы Бунина стали важным шагом на пути его становления как публициста. Серьезные публицистические акценты, расставленные в них в связи с литературно-эстетическими вопросами, позволяют судить о творческих и личностных приоритетах начинающего автора, его живой заинтересованности в судьбах современной отечественной словесности. Статьи Бунина отличает взвешенность суждений, аргументированность выводов, достаточная сдержанность в выражении эмоций, одновременно – четкость позиций, стремление отстаивать и защищать свою точку зрения.

Вопросы и задания

1. По журналам, которыми интересовался в юности И.А. Бунин, охарактеризуйте круг чтения будущего писателя.

2. Прочитайте стихотворение Бунина «Над могилой Надсона» и его первую статью «Наброски. Несколько слов к вопросу об искусстве». Как эти произведения определяют эстетические позиции молодого автора?

3. Познакомьтесь с текстом статьи Бунина «Поэт-самоучка. По поводу стихотворений Е.И. Назарова». Определите ее проблемно-тематическую направленность. Какие социальные вопросы поднимает автор в связи с вопросами литературного творчества?

4. Какие претензии в адрес литературной критики высказывает Бунин в статье «Недостатки современной поэзии»? Подтвердите свои ответы выдержками из текста. Как подобные суждения характеризуют позицию писателя?

5. Подготовьте развернутое сообщение на тему: «Публицистический компонент в статье Бунина «К будущей биографии Н.В. Успенского».

6. Раскройте публицистическую направленность работ Бунина «Маленькая беседа» и «Новые течения». Как автор отстаивает свои взгляды?

§ 2. Бунин-очеркист

С 1889 по 1892 год Бунин – сотрудник газеты «Орловский вестник». Этот небольшой промежуток времени во всех отношениях был судьбоносным для писателя. Прежде всего, серьезные перемены происходят в его личной жизни, идет активное творческое развитие, принципиально меняется отношение с газетно-журнальным миром. Нельзя сказать, что Бунин с этого времени постоянно «привязан» к редакции, но он является «штатным сотрудником» с многочисленными обязанностями, о которых можно судить по более поздним воспоминаниям в «Автобиографической заметке»: «Был всем, чем придется – и корреспондентом, и переводчиком, и театральным критиком» [9, с. 259].

Характеризуя качество газеты этих лет, А.И. Кондратенко отмечает: «С 1 февраля 1890 года «Орловский вестник» начал ежедневно выходить на четырех полосах. Примерно половину первой полосы и всю четвертую занимала реклама. Постоянными разделами были «Корреспонденция», «Короткие письма», «Заметки» (комментарии о событиях в стране и губернии), «Сообщения газет» (перепечатки), «За границей», «Литература и печать», «Наука и искусство», «Судебные дела», «Происшествия» [18, с. 44-45]. Молодой сотрудник пробовал себя во всех буквально отделах. «Однако, – как отмечает исследователь, – на деле Бунина вряд ли можно назвать редакционным работником в классическом понимании этих слов. Принятая тогда система оплаты журналистского труда, прежде всего, за конкретные публикации, а не за отбывание времени в штате редакции, привлекала в первую очередь авторов с мест. По всей видимости, и Бунин в основном писал у себя дома, просто посылая в редакцию готовые материалы. Этим можно объяснить обилие его публикаций под рубрикой «Из Ельца» [18, с. 45]. Не следует, однако, забывать, что корреспонденции Бунина появлялись в газете еще до его официального постоянного сотрудничества «Из села Васильевского, Глотова» 4 мая, 1888 г. [24, с. 48]. Такого рода «репортажность» импонировала молодому автору, давала возможность не сидеть на месте.

Действительно, во время работы в «Орловском вестнике» Бунин много разъезжает; бывает в Ельце и окрестностях: Озерках, других мелкопоместных усадьбах родственников; у брата в Харькове, путешествует по Крыму. Он активно и плодотворно работает: пишет передовые статьи, корреспонденции, заметки, фельетоны, литературно-

критические статьи, театральные рецензии, очерки. В тематическом плане произведения были весьма разнообразны. Так, передовые статьи касались наиболее важных общественных вопросов провинциальной действительности: новых постановлений Св. Синода, организации в Орле родильного приюта, кредитования крестьян в Мценском уезде, развития садоводства и огородничества, многого другого. Повседневные, рутинные стороны журналистского труда не приносили Бунину удовольствия. В письме к В.В. Пашенко он сетует: «...работой меня заваливают уже. Кругом, например, голова пошла, когда пришлось, например, составлять статью о мукомольном деле (!), в котором я понимаю столько же, сколько свинья в апельсинах; а потом "крестьянские кредиты", а потом "народные чтения", "садоводство" и т.п. А дневники? Черт ногу сломает! Посылали уже в думу» [13, с. 59-60]. В письме к брату Бунин поясняет свое положение в газете: «Главным образом строчу «Литературу и печать», – заметки говенные и маленькие, а за месяц все-таки набирается денег до 15, а иногда с фельетонами 20 рублей. Две копейки за строку. Впрочем, за последнее время стал писать меньше, надоело, опошлишься» [13, с. 36-37].

Корреспонденции Бунина в основном направлены из Ельца и отражают события и повседневные проблемы этого провинциального городка. Он, к примеру, пишет о положении пассажиров на станциях и в вагонах железной дороги; в рубрике «Короткие письма» рассказывает о библиотеках Ельца, театральном деле: маленьких сборах со спектаклей, пренебрежительном отношении публики к театральным постановкам, бедственном положении актеров (1891, № 15), дает краткие рецензии на просмотренные спектакли. С 24 июля по 8 августа 1891 года Бунин вместе с редактором Н.А. Семеновой едет в Москву на французскую выставку и в №№ 200, 201, 203, 206, 207, 208 публикует «Письма из Москвы». Кроме того, он ведет рубрику «Дневник», где помещаются заметки о событиях в г. Орел [24, с. 85].

Несмотря на отсутствие должного опыта работы в журналистике, достаточно юный возраст и «издержки» становления таланта, все-таки, как считают исследователи, участие Бунина в «Орловском вестнике» – «одна из самых ярких страниц в истории губернской журналистики» [18, с. 50]. Из художественных произведений молодого автора на страницах газеты публикуются в основном стихи, однако особого внимания, на наш взгляд, заслуживают бунинские очерки этих лет.

В классификационном ранге современной теории журналистики жанр очерка относится к художественно-публицистическим произведениям, в силу того, что сочетает в себе черты и художественности, и публицистичности, воздействуя на читателя яркими образными средствами и достоверными фактами. Ранние очерки Бунина типологически близки к портретным, так как в центре каждого из произведений находится личность человека с его многогранными переживаниями; а в целом дается сжатый и емкий рассказ о персонаже. В создании портретов героев Бунину помогала природная наблюдательность, умение подметить какую-то особенную деталь, нарисовать контур; не по годам серьезная аналитичность взглядов, основанная на знании самых разных сторон провинциальной действительности.

Начинающий автор улавливал отдельные черты своих персонажей и передавал их, небольшими, казалось бы, незамысловатыми масками. Его интересовали штрихи, помогающие представить и внешность героя, и его внутренний мир. Вот как сказано об одном из персонажей: «В переднюю вошел еще один помещик, Нил Лукьянович Бебутов, – отставной улан, проживший громадное имение в известных историях и теперь живший на хлебах у дочери, которая была замужем за богатым купцом-мельником. Это был старик с военной выправкой, сизым носом и уже с седыми волосами, которые он старался, по старой памяти, взбивать коком. У него тряслась голова, но он держался еще гордо, петухом» [9, т. 2, с. 385].

В процессе повествования к портретной характеристике героя дополняется важная деталь: он, в отличие от всех, не заискивал перед «настоящим» помещиком Коротаевым, «стоял гордо и, покачивая головой, смотрел равнодушно» [9, т. 2, с. 392]. Перед читателем, на первый взгляд, портрет человека вполне положительного: с чувством собственного достоинства, знающего цену себе и окружающим. Но, с другой стороны, совершенно очевидно, что герой не лучше других, он также человек не интересный. Не случайно, с первой фразы его перебивает батюшка, вошедший в переднюю, потом Нил Лукич. Да и сам он «молча пускал дым через седые усы», а в завершении очерка автор говорит о нем даже без имени – «улан» [9, т. 2, с. 398]. Так, прибегая только к отдельным, но характерным, элементам портрета, Бунин характеризует своего героя, давая возможность читателю сложить свое представление о нем.

Служа в «Орловском вестнике», Бунин предполагал написать несколько циклов очерков. Задуманное не было реализовано в полной мере, но отдельные произведения все-таки увидели свет.

Очерк «Божьи люди» опубликован в «Орловском вестнике» за 1889 год (№ 125 от 30 сентября). Он представлял собой переработку вышедшего ранее (в 1887 году) произведения с тем же названием. В новой версии очерка Бунин изменил имя главного героя: вместо Еремушки появляется странник Тимоша. Произведение получило и новое название вместо первоначального «Два странника». Оба изменения свидетельствуют о серьезной эволюции авторского сознания в сторону художественной зрелости, большего внимания к вопросам образной типизации, подтекстовому выражению замысла, к усилению идейной значимости заглавия, которое позже войдет в заголовочный комплекс: «Божьи люди. Очерки из жизни обездоленных». Под эти названием выйдут еще два произведения: очерки «Дементьевна» (позже переименованный на «Федосевна») (№ 44) и «Судорожный» (№ 150 и 152) («Орловский вестник», 1891). Тексты дают яркое представление о проблемно-тематическом пространстве раннего творчества Бунина, о способах и средствах отражения реалий современности молодым автором, о жанровой специфике публикуемых произведений.

Очерки указанного цикла повествуют о бедственном положении тех, кого принято относить к «обездоленным». Словари русского языка толкуют значение этого слова, как «несчастный», «лишенный всего жизненно необходимого», «гонимый». В полной мере подобные определения применимы к героям Бунина. Тимоша – главный персонаж очерка «Божьи люди» – странник, «с измальства» немощный, но он любит Господа, ходит по святым местам, просит милостыню, «оттого, что наг и беден» [25, с. 140]. Федосевна в старости, когда уже «еле ходила» [9, т. 2, с. 363], осталась без куска хлеба, «заперла свою хатку и пошла куда глаза глядят» [9, т. 2, с. 363]. В очерке «Судорожный» тяжелое положение Митьки усугубляется страшной болезнью – «припадочностью», «сумасшествием». Отец героя так говорит о приступах её проявления: «Бывало, по целым месяцам тоскует. Сперва смирный такой ходит: потом как будто ничего, – оправится, да вдруг опять скарежет его, сидит примерно за столом да как заревет по бычьему, позеленеет весь – и об пол!» [25, с. 156].

Очерки «Шаман» и Мотьяка», «Мелкопоместные. Очерки из жизни елецких помещиков», «Помещик Воргольский» тематически

родственны: повествуют о мелкопоместном дворянстве, которое сохранило лишь память о своем происхождении, утратив «статусность» и особые права на жизнь. В нынешнем состоянии Олимпиада Марковна, Павел Петрович и целая галерея других елецких помещиков – «обломки» дворянства. О вырождении знатности говорит их воспитание и образование. Так о героине, получившей прозвище Шаман, известно, что она «лет двенадцати... наконец попала в институт и «воротилась оттуда, не окончивши курса, девицей с французским ломаным языком, с игрой на фортепьянах и с запасом французских басен» [25, с. 151]. Не более образован и Павел Петрович, который, однако, при случае всегда демонстрирует свое превосходство над другими людьми. Бунин пишет: «Он стоял в дверях вокзала и выделялся из многих высоким ростом, красивой физиономией чисто цыганского типа и своей манерой держаться: с надменным видом откинувшись назад и оглядывая всех быстрым взглядом черных, странных глаз, он как будто чувствовал себя выше всех и щеголял своим франтовским «русским» костюмом» [25, с. 162].

О том, насколько преуспела в науках Софья Ивановна, свидетельствует её отношение к книгам и записки к соседям: «Она, тоже по обыкновению, взяла с этажерки первую попавшуюся книжку сельскохозяйственного содержания, вырвала из нее чистые листы, находящиеся непосредственно после переплета, и начала писать; «Многоуважаемая Анны Ванна! Я и все наше семейство прошу вас севодня к нам на пирок и обед и пришлите пожалуйста тарелки пол дюжины ножей вилок и сковородочку для хворостиков, чем премного обяжете уважающею вас С. Шахову» [9, т. 2, с. 376].

Очевидно, недостаток воспитания, отсутствие должного образования при необоснованно развитом самомнении привели к полному личностному оскудению героев, а в случае с Шаманом – и к внешнему вырождению человеческого облика. Как бы то ни было, перед читателями предстают достаточно странные личности, часто совершенно непредсказуемые в своем поведении и отношении к окружающему миру. Их дворянское происхождение только усугубляет ситуацию, вызывает иронию автора. «Да, не перевелись еще витязи на Святой Руси», – язвительно говорит он о помещике Воргольском в завершении очерка. Как будто вскользь писатель указывает на такую характерную деталь, как внешнее стирание различий между барыней и холопкой, которых даже городской кучер глумливо считает «деревенщиной» («Мелкопоместные»). С другой стороны, автор делает зна-

чимую оговорку о существовании в Елецком уезде двух «совершенно отдельных друг от друга» типов помещиков: мелкопоместных, живущих «очень просто» и тех, которые имеют «от трехсот до тысячи десятин». Первые существуют по-старинке: «сидят по целым месяцам в своих усадьбах; никогда не «гласят» в земствах» [9, т. 2, с. 375] и только некоторые из них, вроде Капитона Николаевича, «стремятся зажить по-новому, свести знакомство с городом» [9, т. 2, с. 375]. «Настоящие» помещики, по мнению автора, совершенно иные: они «стремятся всегда, хоть в мелочах, быть помещиками, любя и соединяя кое-что из прежней помещичьей жизни... с новыми обычаями — ездить на выставки, толковать о «порядочности», о Толстом, о модных политических новостях, о практичности американцев, о школах, о земских больницах, участвовать в любительских спектаклях, картавить: говорить: «вы дугак» лакеям и т.д. и т.д.» [9, т. 2, с. 375].

Автор называет свои замечания о помещиках «мелочами», в которых быть может, что-то «верно». Однако именно подобные «мелочи» становятся определяющими для читателей, способствуют пониманию авторской позиции, выработке своего собственного отношения к героям.

Очерк «День за день», опубликованный в «Орловском вестнике» за 1889 год, вышел с подзаголовком «Старая история». Его герой Тихон Иванович Кондауров, в отличие от прежних персонажей, вполне нормальный человек: и материально, и душевно уравновешенный. Он принадлежит к служащим, имеющим приличный заработок и, ввиду своей высокой профессиональной компетентности, умеющим найти честные способы получения дополнительных доходов. Потому герой доволен собой и своей жизнью. Обстоятельства его современного существования таковы, что можно говорить об удачной карьере и личностном росте. Если в юности герой был «библиотекарем в маленькой библиотеке захолустного уездного города и звался Тишкой, то теперь он служит у старшего нотариуса Елецкого окружного суда» [25, с. 145]. Его жизнь совершенно изменилась: появилась квартира (три комнаты с кухней), жена — дочь мелкого помещика, «рабочий кабинет» (со всеми подобающими аксессуарами), ружье, кудрявый водолаз Бисмарк. Бунин обращает особое внимание на внешность героя, которая по всем признакам отражает его нынешний достаток: «он пополнел, стал солидным мужчиной, стал носить на своих больших ногах модные штиблеты и такие же брюки, куцую визитку и, постоянно накрахмаленные рубашки с стоячими воротничками» [25, с.

145]. Герой повысился не только в глазах окружающих, но и самое важное – в собственной оценке: «Про себя он вообще думал, что красив; ему нравилось его полное, молодое лицо и смелое (даже, говоря правду, наглое) выражение его, под гребенку остриженная голова и даже манеры, походка» [25, с. 145]. Но подлинную оценку благополучия героя дает его жена – Надежда Федоровна, человек, жизнь которого рядом с Тихоном Ивановичем превратилась в однообразное прозябание, лишенное всякого смысла и пугающее своей монотонностью. Подзаголовок очерка – «старая история» – подчеркивает повторяемость сюжета во времени, его «живучесть» (ср. «Ионыч» Чехова, 1898 г.). Однако попытка героини протестовать сводится только к желанию узнать неизвестные ей стороны жизни мужа, т.е. проследить за ним, но вовсе не исправить что-то в их совместном существовании.

Аналогичная канва внешне состоятельной жизни представлена в бунинском очерке «Мелкопоместные». Иван Иванович, главный герой, – «красивый веселый мужчина», имеющий доход «до ста рублей в месяц», и живущий, по мнению окружающих, «в свое удовольствие» [9, т. 2, с. 374]. Вероятно, подобное понимание значимости человеческого существования было достаточно распространенным не только в городской, но и в мелкопоместной среде, так что Бунин дважды обыграл одну и ту же ситуацию. Но в отличие от предыдущего случая, в этом находится герой, активно протестующий против «состоятельности» Ивана Ивановича. Яков Савельевич Матвеев – «кандидат физико-математических наук Московского университета» – не принадлежит к числу уважаемых обществом людей, но именно он, правда в подвыпившем состоянии, разоблачает не только «этого бульдога» Ивана Ивановича, но и все мелкопоместное общество с его напускным «джентельменством». Яков Савельевич дает меткие характеристики каждому из гостивших в Прудках. Критерием оценки для героя становится уровень образования, полученного присутствующими. Этот уровень – низайший, приведший к полному нежеланию помещиков развиваться, к чему-то стремиться в духовном плане. Что с них взять?– Они все «неучи», – говорит Яков Савельевич [9, т. 2, с. 397]. Мелкопоместные, по мнению Матвеева, сами виноваты, они – люди, которых «засосало ...болото и роковая цифра... землевладения – сорок восемь десятин» [9, т. 2, с. 397]. С этим мнением мысленно соглашается и «настоящий помещик» Коротаев, который не высказывает вслух, но ведет себя иначе, чем окружающие, как это полагается в его более обеспеченной среде.

«Жанровую природу очерка, - отмечают современные исследователи, определяет синкретическое соединение трех начал – социологического (научного), публицистического и художественного» [21]. Попытаемся понять, насколько они свойственны произведениям Бунина.

Писатель исследует в своих очерках общественные отношения и проблемы, рассматривает различные стороны жизни своих героев. Автор стремится выявить объективные причины, породившие типичные характеры. Вместе с тем Бунин не анализирует социальные проблемы, не разоблачает основы общественного порядка; они становятся понятными из общего контекста повествования. Очерки Бунина – это, прежде всего, образные картины действительности, в каждой из которых свой конфликт, свои взаимоотношения персонажей, а характер повествования включает описание поступков героев и рассуждение самого автора. Причем, авторская позиция складывается на основе отдельных замечаний, емких образных единицах, несущих эмоционально-экспрессивную нагрузку. При этом автор часто находится «за сценой», а «все свои важные мысли и идеи он передоверяет своим героям» [31, с. 296]. Таким образом «социологическое начало» полностью реализуется в ранних очерках Бунина.

Что же можно сказать о публицистическом начале, которое проявляется в опоре на факт. Исходной точкой развития сюжета в произведениях Бунина становятся реальные события, участником которых был сам автор (исключение – очерк «День за день»). Отсюда его «включенность» в число персонажей: «Прежде всего должен сказать, что **мы** – в усадьбе помещика Капитона Николаевича Шахова, в сельце Прудки, центре того района мелкопоместных, в котором **мы** пробудем Знаменские праздники» [9, т. 2, с. 368]. Факты в произведениях сгруппированы таким образом, что придают жизненность, правдоподобие изображаемому характеру. Конечно же, писатель не обходится без доли вымысла, но он очень органичен и вполне допустим в рамках художественно-публицистического жанра.

Художественное начало очерков Бунина определяется его стремлением создать достоверную и убедительную картину действительности с помощью образов, позволяющих типизировать общественные картины, ситуации, явления, характеры. Особенностью очерка как жанра является повествование от лица реально существующего автора, публициста со своими взглядами и оценками происходящего. Автор «организует сюжет, формирует взгляд аудитории на описы-

ваемое событие» [21, с. 305]. Он, к примеру, становится участником событий, происходящих в поезде на Орловско-Грязинской дороге (очерк «Судорожный»). Бунин, однако, выходит за рамки этих ограничений и подчас дает возможность своим персонажам действовать без авторского присутствия в созданном им пространстве и времени. Сам автор словно наблюдает со стороны и даже выводы делает лишь предположительные, не дающие читателям ответа на вопросы о судьбе героев. Так очерк «Божьи люди» завершается печальным предположением: «Неизвестно, где теперь Рафаил. А труп Тимоши унесли, наверно, весенние потоки и похоронили в глубоком овраге или на дне озера» [25, с. 145].

Очерк, как известно, принадлежит к публицистическим жанрам, которые в образной форме исследуют закономерности социального и нравственного бытия человека, но в творческой практике Бунина они становятся возможностью выразить частные ситуации в наиболее типичном их проявлении, показать художественные возможности осмысления действительности с точки зрения индивидуального и общественного, частного и свойственного социальному слою, классу, современности. Не случайно, и сам автор, и особенно исследователи его творчества, называли ранние произведения то очерками, то рассказами, больше склоняясь ко второму. С другой стороны, нельзя сказать, что очерки были неким «переходным» этапом на пути к художественному творчеству. Они подчас становились «отдушиной», позволяющей иначе посмотреть на современные проблемы.

Так, 10 апреля 1907 года, когда еще продолжался разгул первой революции, Бунин вместе с будущей женой В.Н. Муромцевой отправляется в заграничное путешествие на Восток. [14, с. 47, 457], с самого детства привлекавший его своей таинственностью и «созерцательной неподвижностью». Впечатления писателя нашли отражение в цикле путевых очерков «Тень птицы». В одноименном произведении читаем: «Одеваешься возле открытого иллюминатора, в который тянет апрельской свежестью моря, – и с радостью вспоминаешь, что Россия за триста миль от тебя...» [9, т. 3, с. 344]. Так отмечено освобождение из плена революционного хаоса, продолжавшегося два года в России.

Путешествие по Сирии, Палестине, Египту, Турции, Греции стали основой очерков под названием «Храм Солнца». Правда Бунин называл их и «путевыми поэмами» и рассказами. К примеру, в 1910 году в письме к Н.Д. Телешову он упоминает о рассказе «Иудея» [14,

с. 129, 531], а в декабре 1909 года публикует произведение из того же цикла под названием «Пустыня дьявола. Очерк». После выхода в свет в 1917 году книга воспринималась как цикл путевых очерков, в которой вопросы современности представлены через философское осмысление онтологических проблем.

К жанру очерка Бунин периодически возвращался в течение всей жизни, создавая яркие неповторимые произведения.

Вопросы и задания

1. Составьте тезисы доклада на тему: «Бунин – сотрудник газеты «Орловский вестник».

2. Прочитайте очерки Бунина «Федосевна», «Судорожный», «Два странника». Обозначьте общую для этих произведений проблему.

3. Как, какими художественными средствами создает автор портреты героев?

4. Познакомьтесь с очерками Бунина «Шаман и Мотья», «Помещик Воргольский». Что сближает образы Елецких помещиков? Какую позицию занимает автор и как она передается читателю?

5. Назовите типологические особенности жанра очерка (см.: Тertyчный А.А. Жанры периодической печати. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 350 с.). Какие особенности ранних произведений Бунина, рассмотренных в § 2, позволяют отнести их к очеркам?

§ 3. Публицистические выступления И.А. Бунина рубежа XIX-XX веков

В конце 1890-х годов Бунин активно сотрудничает с периодическими изданиями столичного формата и провинциальными, но имеющими сложившуюся репутацию. В августе 1897 года Юлий Алексеевич переезжает в Москву и начинает работать в редакции журнала «Вестник воспитания». Здесь же в № 8 публикуются рецензии Ивана Алексеевича на 1,5 и 6 выпуски «Библиотеки маленького читателя» (М., 1897-98), на повесть Мамина-Сибиряка «Белое золото». Показательно, что именно с юным читателем связана одна из лучших поэтических книг молодого Бунина – «Под открытым небом» (М., 1898).

1898 год проходит для Бунина в буквальном смысле под знаком газеты «Южное обозрение», которая публикует целый ряд его обзоров, посвященных журналам «Книжки «Недели» (№ 594, с. 2), «Мир

Божий» (№ 611, с. 2), (№ 805, с. 2), «Русское богатство» (№ 624, с. 3); рецензии на книгу А.М. Федорова «Стихотворения» (СПб, 1898) (№ 728, с. 3), книгу Телешова «Повести и рассказы».

К концу 1890-х – началу 900-х гг. принадлежат значимые для творческой эволюции Бунина-публициста статьи: «Я.П. Полонский» (журнал «Юный читатель», № 2, 1898), «Поэт-гуманист» (К 50-летию литературной деятельности А.М. Жемчужникова) («Вестник воспитания», № 3, 1900), «Е.А. Баратынский» («Вестник воспитания», № 6, 1900).

В это же время из «Жизни» Бунин получает письмо от Поссе, который сообщает, что его «очерки «Туман» и «Новая дорога» будут в апреле» [24, с. 409]. Заметим, что во всех ныне существующих собраниях сочинений Бунина эти произведения жанрово определены как рассказы, а в своей первой публикации они заявлены именно как «очерки». Впрочем, современники писателя пользовались иными жанровыми дефинициями. К примеру, в газете «Нижегородский листок» (1901, № 141, с. 2) выходит рецензия В.Е. Чешикина-Ветринского «Журнальные заметки», в которых речь идет о «Новой дороге» и «Тумане» как рассказах, но вместе с тем в тексте рецензии встречается и другое их определение. Автор в частности замечает: «Очерки г. Бунина представляют собой наброски путевых впечатлений, написанные, что называется «с настроением» и живо захватывающие читателя» [24, с. 415].

В 1910-е годы Бунин – писатель с именем. На страницах периодики он постоянно выступает в качестве взыскательного рецензента. Известно, что в апреле 1913 года брату Юлию Бунин вместе с письмом направляет какие-то свои рецензии [14, с. 268]. В письме к Е.А. Ляцкому – редактору ежемесячного журнала «Современник» (СПб., 1911-1915 гг.) – сообщает о готовности к сотрудничеству в критическом отделе журнала: «я с удовольствием посылал бы Вам тогда – изредка, конечно, – заметки о некоторых книгах». Однако в 1913-1914 гг. рецензии Бунина в журнале «Современник» не печатались [14, с. 274, 661].

В октябре 1913 года Бунин по просьбе А.А. Шахматова от лица Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук пишет рецензии на «Стихотворения Эдельвейса» Л. Григорьевой и некоторые рассказы Н.А. Крашенникова. Эти книги были представлены на соискание премии им. М.Н. Ахматова, тайного советника, завещавшего свой капитал Академии наук, которая присуж-

далась ежегодно с 1909 г. за научные труды и литературные произведения [14, с. 265, 655]. В своей рецензии Бунин критически оценивает представленные на соискание премии книги и не рекомендует их к награде. За эту рецензию самому Бунину была присуждена Золотая медаль имени М.Н. Ахматова [14, с. 293, 674]. 27 июля 2014 года Бунин направил А.А. Шахматову свой отрицательный отзыв на книги Л. Жданова и Э. Голландской, которые были представлены на XXI соискание премий им. Пушкина. За отзыв самому Бунину была вручена Золотая медаль им. А.С. Пушкина [14, с. 309, 690]. Обе награды свидетельствуют о высоких достижениях Бунина-рецензента: объективности оценок, принципиальности, эстетической цельности подходов.

Критический настрой Бунина этих лет ярче всего проявился в его речи на юбилее газеты «Русские ведомости». Известно, что 6 октября 1913 года состоялся банкет по случаю 50-летнего юбилея ежедневной газеты «Русские ведомости» (М., 1866-1918), на который был приглашен и Бунин. Во время многолюдного собрания полицейский пристав Строев прекратил чтение поздравительных телеграмм и речей и закрыл банкет. Между приставом и Буниным произошел диалог, который послужил импульсом для газетных новостей. Появились публикации: Инцидент на банкете // Речь. – 2013. – 8 окт. (№ 277); Инцидент с И.А. Буниным; Дело И.А. Бунина // Русское слово. – 2013. – 8 окт. (№ 231). После подобных репортерских сообщений Бунин не мог молчать. Он пишет в редакцию газеты «Русские ведомости» с просьбой «изложить это дело несколько подробнее», поскольку «такое краткое сообщение может возбудить нежелательные толки в обществе». Письмо было опубликовано в «Русских ведомостях» 10 октября 1913 г. [14, с. 291, 674].

Но произошедший инцидент – не самое важное событие на юбилее. Его главным моментом стала знаменитая речь Бунина о современном состоянии русской литературы («Русские ведомости» от 8 октября 1913 г., № 231), вызвавшая многочисленные отклики. Так, в ежедневной газете партии октябристов «Голос Москвы» (М., 1906-1915) была даже организована анкета «Прав ли Бунин?» (1913, 13 окт.), в которой против позиции Бунина выступили К. Бальмонт, Ю. Балтрушайтис, В. Брюсов, М. Арцыбашев и Б. Зайцев, причем все они, не слышав самой речи, судили о ней по журналистским заметкам, передававшим не совсем точно суть произошедшего. Уже через два дня, 15 октября, в газете «Голос Москвы» появился «Ответ

И.А. Бунина» (№ 237), в котором писатель отверг все обвинения в неуместности своего выступления. На следующий день «Голос Москвы» продолжил публикацию ответов на анкету. Появились положительные отзывы Д. Ратгауза, И. Белоусова и В. Лесина, они поддерживали идеи Бунина и защищали его от предыдущих критических выступлений. [14, с. 293, 675].

Что же представляла собой речь, и почему она вызвала столь бурную реакцию? По сути юбилейная дата газеты «Русские ведомости» послужила лишь поводом публичного выражения Буниным своего отношения к современной литературе. Он убедительно доказывал, что газета-юбиляр, публикуя на своих страницах произведения Толстого, Салтыкова, Глеба Успенского, Чернышевского, Чехова, Короленко и других авторов с «определенными, устойчивыми ценностями», занимала тем самым позицию «противостояния» «уродливым отрицательным» литературным явлениям, которых за последние двадцать лет «во сто крат больше, чем положительных» [5, с. 528]. «Уродливыми» писатель склонен был считать принесенные с запада «декаданс, символизм» и другие современные течения, которых, по их словам и по мнению газетной критики, «создали несметное количество новых ценностей, преобразили прозаический язык, возвели на высоту и обогатили стихотворный, затронули глубочайшие вопросы духа, «выявили новую психику, были «мудры», «дерзновенны» [9, с. 529]. Между тем Бунин убежден в обратном: «За немногими исключениями, не только не создано за последние годы никаких ценностей, а наоборот, произошло невероятное обнищание и омертвление русской литературы» [9, с. 529]. Иронично писатель замечает: «Немного исчезло: совесть, чувство, такт, мера, ум...растет словесный блуд» [9, с. 529]. А далее продолжает уже более твердо и принципиально: «Исчезли драгоценнейшие черты русской литературы: глубина, серьезность, простота непосредственность, благородство, прямота, – и морем разлились вульгарность и дурной тон, – напыщенный и неизменно фальшивый» [9, с. 529]. В том, что «испорчен русский язык» Бунин винит и писателей, и газеты. Подражательство, поклонение чужим богам, новым кумирам, появлявшимся «каждую зиму», имитация стилей и эпох – все это в литературе и жизни общества, по мнению художника, ничто иное, как «Вальпургиева ночь» [9, с. 529]. Скандалы, разжигаемые газетами вокруг каких-то имен, возводили их на пьедестал почета. Не приемля подобных явлений в литературе и журналистике, Бунин приветствует близкую себе позицию «Русских

ведомостей». Газета, по его мнению, «никого не рекламировала, не гонялась ни за какой сенсацией, не создавала скороспелых репутаций, не подносила читателю сведений о частной жизни писателей и всяческих слухов о них» [9, с. 530]. В позиции «Русских ведомостей» Бунин приветствует объективность художественных оценок, умение выделять «все ценное даже и у тех, которые по своему направлению совсем не подходили к ним» [9, с. 530]. Тем самым она не позволяла «проповедовать безграничный индивидуализм, разнузданность все себе позволяющей личности, прославлять под видом утонченности разврат, искоренять из литературы идеи общественности, разрушать веру в силу разума и проповедовать мистические туманы, шаткие метафизические построения» [9, с. 530].

Бунин благодарен «Русским ведомостям» за то, что они указывали на истоки литературных «уродств» – «общую расшатанность, неустойчивость нашей общественной мысли и неорганизованность общественного мнения, на нашу подражательность Европе» [9, с. 530]. Он согласен, что отсюда «неразбериха» и в литературе: «не оригинальность, а оригинальничанье», смешение «движения вперед с чисто дикарским отрицанием заслуг всех своих предшественников», «дерзновенных полетов мысли с дерзостью», «рост и разносторонность индивидуальности с разнузданностью ее» [9, с. 531].

В речи Бунин дважды апеллирует к Толстому. Подкрепляет свои рассуждения мыслями классика по поводу литературных явлений. Он солидарен с предшественником в том, что «поразительное понижение литературы, – понижение вкуса и здравого смысла читателей, публики» [9, с. 528] в том, что появились «подделки под художественные произведения», которые проводятся в жизнь благодаря газетам, журналам и критике [9, с. 531]. В завершении речи, бросая вслед за Толстым фразу о том, что от газетно-журнального сообщества зависит «вся будущность просвещения европейского мира» [9, с. 531], Бунин поблагодарил «Русские ведомости» за «благородство». Заключительная фраза, как и все содержание речи, вряд ли можно отнести только к вежливому комплименту в адрес юбиляра. При всей эмоциональности оценок Бунина нельзя упрекать в отсутствии объективности. Еще более в том убеждают факты: писатель не публиковался в этой газете, а значит не имел от нее хоть какой-то финансовой и прочей зависимости. С другой стороны, судя по тем же данным оценкам, знал и содержание издания и направленность публикаций.

Что же касается отношения к модернистским явлениям современной литературы, то оно сложилось у Бунина на протяжении многих лет и не было броским заявлением, наскоро созданным ради желания блеснуть перед публикой. Так, еще в 1905 году, отвечая начинающему поэту А.И. Тинякову на просьбу рекомендовать его стихи к публикации, Бунин писал: «...Мне кажется, что у Вас есть несомненные литературные способности, но рекомендовать то, что Вы мне прислали, я все же не могу: не вижу в присланном ни оригинальности, ни силы, ни законченности. А кое-что мне просто не нравится – так, например, стихотворение "Мертвенно-бледные крылья" с его "скорпионовскими" выкрутасами вроде какой-то "свечи" в какой-то совершенно для меня не понятной "заброшенной" дали, написанной почему-то с большой буквы, и жалких декадентских новшеств, состоящих в употреблении во множественном числе таких слов, как "шум", "дым" и т.д.» [14, с. 7].

Очевидно, что писателю не нравится подражательность стихов Тинякова, но больше того, – творческие ориентиры, избранные молодым автором. Начинаящий поэт приобщился к «скорпионовским выкрутасам» буквально за год жизни в Москве (до этого он проживал в деревне Мценского уезда Орловской губернии, потом – в Орле). Бунин, как известно, так же прошел через издательство «Скорпион», опубликовав здесь поэму «Листопад», но при этом сохранил собственный стиль, свои эстетические ценности. Спустя полтора года в очередном послании к Тинякову Бунин вновь указал на те стороны его поэзии, которые для самого рецензента были неприемлемы, по-прежнему, чужие «темы, образы и манера выражаться». Он писал: «Мне кажется даже, что Вы считаете за что-то новое и серьезное недостатки тех, кому подражаете. Неужели тяжкое – порою даже преднамеренно тяжкое – нагромождение высокопарных определений и сравнений, равно как и начертание слов с больших букв, есть нечто иное, чем бессильное желание сказать что-то значительное?» [14, с. 35].

Оба письма наглядно показывают, что Бунин требовал тщательного, вдумчивого отношения авторов к языку художественного произведения, того, что он называл «чувством слова». У самого писателя оно рождалось в процессе освоения живого народного языка, традиций отечественной классики. Вот почему он всячески противостоял «туманности» образов, надуманности словесных конструкций и призывал к простоте, понятности художественной речи, ясности образ-

ных единиц. У модернистов Бунин не принимал не абстракций как таковых, а их искусственности, полной потери связей с реальностью, что и порождало определение «скорпионовские выкрутасы». На рубеже XIX-XX столетий Бунин окончательно определяется как публицист: оттачивается четкая формулировка позиций, прямолинейность оценок, образная выразительность. Его взгляды основываются на творческом опыте, постоянном самоанализе, заботе о состоянии отечественной словесности как базису духовной культуры.

Вопросы и задания

1. Прочитайте «Речь на юбилее газеты «Русские ведомости». Как оценивает автор состояние современной литературы? Каково, по его мнению, соотношение журналистики с уровнем словесной культуры? Как в этой связи автором характеризуется позиция «Русских ведомостей»?

2. Сформулируйте на основе «Речи на юбилее газеты «Русские ведомости» требования Бунина к профессиональной этике журналистов.

§ 4. Знаковые события 1905 и 1917 гг. в сознании Бунина-публициста

Говоря о знаковых событиях в жизни Бунина-публициста, следует отметить революции 1905 и 1917 гг. 10 февраля 1905 года Бунин приезжает в Петербург, чтобы лично выяснить подробности событий 9 января. Он, в первую очередь, посещает редакции газет и журналов.

О всеобщей забастовке Бунин узнал 17 октября, находясь в Ялте. В сентябре-октябре он гостил в чеховском доме у Марии Павловны Чеховой, сестры писателя [14, с. 17, 432]. Узнав от С.П. Бонье, ялтинской знакомой Чеховых, по телефону о революции и всеобщих забастовках, 18 октября писатель отправился на пароходе «Ксения» в Одессу. Он не мог дальше оставаться в Ялте и не хотел быть оторванным от всего происходящего в стране. В Одессе он встречается с П.А. Нилусом, В.П. Куровским, Е.И. Буковецким, посещает редакцию газеты «Южное обозрение». Одесские революционные события произвели на него глубокое впечатление: перестрелки, разграбление магазинов, разгром в редакции «Южное обозрение» и не только, избивание людей... [14, с. 17, 432]. Все эти события нашли отражение в его дневниковых записях, известных как «Одесский дневник». Он включает заметки пяти дней. Первая сделана на пароходе, остальные – по прибытии в Одессу.

Сильное впечатление на писателя произвел царский Манифест, с текстом которого ему удалось познакомиться в редакции газеты «Крымский вестник»: «Какой-то жуткий восторг, чувство великого события» [9, с. 311]. По пути в Одессу Бунин беседует с разными людьми: вахтенным, носильщиками и узнает об убийствах евреев на Дальнической [9, с. 311]. Слухи, которым не хотелось верить, постепенно подтверждаются «грозными» фактами всеобщего страха: солдаты возле Петербургской гостиницы, закрытые лавки, нет извозчиков, «там и сям толпится народ». В редакции «Южного обозрения» писатель встречается с евреями, которые готовятся участвовать в похоронах «павших за свободу», но боятся «патриотической манифестации», поднимающейся из порта [9, с. 312]. Дневник фиксирует «неразбериху» событий: красные и черные флаги, кто-то топчет портрет царя, «босяки бьют кого попало», «в панике бежит народ» [9, с. 312], «всюду грабят еврейский магазины и дома», «на извозчике везли раненых» [9, с. 312], «заревы и выстрелы» [9, с. 312], «ружейная пальба и стучащая работа пулемета» [9, с. 312].

Писатель заносит в дневник не только увиденное им самим, но и услышанное от других. Его интересуют мнения простого народа, разные оценки происходящего. Так, извозчик «говорил, что на Молдаванке евреев «аж на куски режут». Качал головой, жалел, что режут многих безвинно-напрасно, негодовал на казаков, матерно ругался» [9, с. 312], «сестра милосердия рассказала, что на Слободке Романовке детей убивали головами об стену; солдаты и казаки бездействовали, только изредка стреляли в воздух» [9, с. 315]. Для писателя очевидно, что революция вызвала разгул необузданных, неуправляемых страстей, которые прикрываются лозунгами «какой-то справедливости». К примеру, он отмечает: «По Троицкой только что прошла толпа с портретом царя и национальными флагами. Остановились на углу, "ура", затем стали громить магазины. Потом прошел отряд солдат – «тоже мимо, улыбаясь» [9, с. 314]. Или еще не менее яркий пример: «...ехал по Преображенской целый фургон солдат с ружьями, – возле гостиницы "Империял" они увидели кого-то в окне, остановили фургон и дали залп, по всему фасаду... "на всякий случай"» [9, с. 314]. По слухам, которые отмечены Буниным, в Одессе за несколько дней убито «тысяч десять», при этом «градоначальник запретил принимать депешу думы в Петербург о том, что происходит» [9, с. 315]. Все оценки происходящего сводились у народа к тому, что негодовали на «зверей казаков» и злобствовали «на евреев» [9, с. 313].

Свои записи Бунин завершает восклицанием «Русь, Русь!», заключая в нем свое понимание национального характера, в котором беспощадность бунтарства соседствует с состраданием обездоленным [9, с. 315].

Заметим, что «Одесский дневник» Бунина фиксирует не только факты революционных событий, но и включает «вкрапления» в виде пейзажных зарисовок, которые сливаются с «внутренней взволнованностью» автора: «Погода серая, неприятная. Возле Ай-Тодора выглянуло солнце, озарило всю гряду от Ай-Петри до Байдарских ворот. Цвет изумительный, серый с розово-седым оттенком» [9, с. 311]. Кроме того, в тексте встречаются «фразовые оценки» без пояснений: «Отвратительный номер "Ведомостей одесского градоначальника» [9, с. 312].

Бунинское видение событий первой русской революции находит отражение и в его письмах этих лет. Н.А. Пушешникову, двоюродному племяннику [14, с. 8, 423], Бунин замечал: «идет такая каша (и идет всюду) так что совершенно нельзя ручаться ни за что. Вот и относительно деревни: сегодня получили письмо от Маши [сестра И.А. Бунина], что она с детьми и с мамой (точно ли с мамой – не разберешь) уехала в Ефремов – частью от нестерпимого холода, частью же от страха перед мужиками... В Одессе я видел дьявольские вещи...» [14, с. 16, 432].

Особенно широкий размах в 1905-1906 гг. приобрели крестьянские волнения, которые носили стихийный характер. Крестьяне огромными толпами выступали против своих помещиков, поджигали их усадьбы и захватывали землю. Помещикам ничего не оставалось, как в испуге бежать в города. Крестьянское восстание не обошло стороной и имение Буниных Огнёвку. В переписке с Н.А. Крашенниковым, издателем-редактором журнала «Новое слово», Бунин делился: «...у нас в деревне сначала был пожар, а затем мужики сняли рабочих, пообещав разгромить, и так напугали наших стариков и сестру с детьми, что пришлось ездить в Елец и Ефремов, искать квартиру и затем перевозиться, хлопотать, нервничать...») [14, с. 33, 445]. О тех же событиях упоминал и в письме к М.П. Чеховой, с которой находился в дружественных отношениях: «не сердитесь – было много хлопот и неприятностей: мужики еще наскандалили – и так, что пришлось перебираться в город, хлопотать о квартире, сидеть там – и все это среди неимоверной жары...» [14, с. 34]. После переговоров вопрос с кре-

ствиями у Буниных мирно разрешился, и переезд был отложен [14, с. 34, 445] (Имение было продано в 1906 году).

Декабрьское вооруженное восстание 1905 года Бунин видел также изнутри, уже находясь в Москве [24, с. 584].

«Одесский дневник» при жизни писателя не публиковался. С иными публицистическими материалами в годы первой русской революции Бунин также не выступал. Тем не менее, зафиксированные в «Одесском дневнике» события первой русской революции – яркое свидетельство неприятия писателем всякого рода «переворотов», общественного хаоса, разрушительной стихии народных волнений.

После февральских событий 1917 года Бунин несколько месяцев живет в Глотово. Читает «Биржевые ведомости», «Голос народа»; участвует в сборнике «Отчизна», газетах «Одесский листок», «Наш век». О беспорядках в деревне пишет П.А. Нилусу, рассказывает о полной «анархии», «бестолочи», «своеволии», «идиотском непонимании не то, что "лозунгов", но и простых человеческих слов» [14, с. 387]. О том, что происходит в стране, Бунин узнает из газет и очень остро переживает. Его письма лета 1917 года пестрят упоминаниями, подобными следующим: «Живу в деревне, ничего не пишу, отравляюсь газетами» [14, с. 393]; «До ярости, до боли кровной обиды отравляюсь каждый день газетами» [14, с. 394]; «Мы сидим в деревне, пока, слава Богу, живы, здоровы и все читаем газеты – очень часто чуть не со слезами боли, обиды, бессильной ярости» [14, с. 395]; «Чуть не весь день уходит на газеты, которых я получаю штук тысячу. И ото всего того, что я узнаю из них и вижу вокруг, ум за разум заходит» [14, с. 397].

В начале октября 1917 года без предварительного уведомления Бунин был «вычеркнут» из списка сотрудников газеты «Власть народа», которую курировала Е.Д. Кускова, пригласившая писателя к сотрудничеству. Он расценивал случившееся как «нарушение самой элементарной пристойности, дерзость». В своем письме к издательнице подчеркивал, что «мало заинтересован» «числиться» в газете, но фактом самовольного «вычеркивания» его имени возмущен. Кроме того, он просит прекратить высылку ему газеты [14, с. 1055].

С 18 апреля (1 мая) 1917 по 12 июля 1918 г. в Петрограде выходила ежедневная общественно-литературная газета «Новая жизнь», соредактором которой был М. Горький. Имя Бунина регулярно повторялось в списке сотрудников. Через полгода (после октябрьского переворота) Бунин решительно отказался от сотрудничества, так как

направление газеты перестало соответствовать его оценке текущих политических событий [14, с. 401, 757].

С октября 1918 года Бунин живет в Одессе. Здесь он сотрудничает с газетой «Южное слово». Революционные события 1917 года в корне изменили Россию. Февральская революция привела к установлению власти либерального «Временного правительства», созданного из числа членов Государственной Думы. Монархические и праворадикальные издания были закрыты, господствующее место заняла либеральная пресса.

На страницах печати обсуждались самые актуальные вопросы, связанные с перспективами развития страны. Основную часть материалов газет составляли политические публикации. Экономические проблемы не позволяли наладить регулярный выпуск старых, дореволюционных журналов. Тем не менее, тираж газет увеличивался. Последствия Февральской революции нашли отражение в «Записной книжке» Бунина. Вероятно, говоря об общественной ситуации в столице, писатель замечает: «...Итак снова торжественные заседания, высокие речи, декларации, резолюции – и все именем России, "именем народа"» [9, с. 316]. Многоточие вначале фразы весьма показательно, оно словно предполагает предыдущий текст – события первой русской революции. А далее от столичного формата Бунин переходит к провинциальному и записывает, как ясно из содержания, воспоминания, причем даже не полные, а фрагментарные: «Снова пробегаю отрывки воспоминаний о лете и осени 1917 года, проведенных мною в деревне, среди подлинной, а не выдуманной нами народной жизни...» [9, с. 316].

«Записная книжка» представляет собой своеобразные «деревенские зарисовки» того, что художник увидел и услышал «проходя мимо» [9, с. 317]. Это разговор «кучки мужиков» об Учредительном собрании и о «бабушке русской революции». Люди делятся друг с другом какими-то невероятными историями, дополненными собственными выдумками. Так, хозяин избы, возле которой собрались мужики, «размеренно» рассказывает о Брешко-Брешковской: «Я про эту бабку давно слышу. Прозорливица, это правильно. За пятнадцать лет, говорят, все эти дела предсказала. Ну только, избавь бог, до чего страшна: толстая, сердитая, глазки маленькие, пронзительные, – я ее портрет в фельетоне видел. Сорок два года в остроге на чеки держали, а уморить не могли, ни днем, ни ночью не отходили, а не устерегли: в остроге и то ухитрилась миллион нажить. Теперь народ под

свою власть скупает, землю сулит, на войну обещает не брать» [9, с. 316].

Народ, по наблюдениям писателя, представляет собой разнородную массу. Встречаются «умеренные», такие, как хозяин избы; есть «"краса и гордость" русской революции" – матрос, резко настроенный против всяческих "provokatorov", готовый арестовывать и расстреливать вместе с "Жучковым" (Гучковым)» [9, с. 317]; есть те, кто ничего не понимает и говорит «ни к селе ни к городу». Тут же Бунин упоминает о «разгульных» куплетах, которые слышатся повсюду; их «визжат на выгоне» «девки-социалистки» [9, с. 317], «горланит» «толпа ребят с гармониями и балалайкой» [9, с. 317]. Все сливается в общий «хор» «чепухи», слышимой писателем от народа. Он делает многозначительный вывод в результате анализа происходящего на его глазах и информации, полученной из разных источников: «В голове у меня туман от прочитанных за день газет, от речей, призывов и восклицаний всех этих смехотворных и жутких Керенских. И я думаю: «Нет, большевики поумнее будут! Они недаром все наглеют и наглеют. Они знают свою публику» [9, с. 317].

Однако в деревне Бунин встречается и с более рассудительной и обывательски-верной позицией. Он беседует с караульщиком и одновременно сапожником, который рассказывает об экономическом кризисе в городе, где теперь нет хлеба, а «подметка четырнадцать рублей стоит». Причина такого состояния видится рассказчику в буржуазии, из-за которой «люди голодный и холодный», а потому ничего не остается, как «буржуазию резать» [9, с. 318].

В деревне Бунин отмечает разгул вседозволенности. Пьяный мужик кричит: «Теперь никакого закону нет»; бывший староста замечает: «Теперь царя нету»; беглый солдат, прозванный Кабельком, в страхе держит все дворы, грозит революционной расправой и не боится сельского схода. Более всего, как отмечает Бунин, в деревне рассуждают о выборах в Учредительное собрание. При том, что понимания расстановки идейных и политических сил в стране нет никакого. Один из мужиков, к примеру, заявляет: «Я, товарищ, сам социал-демократ, три года в Ростове-на-Дону всеми газетами и журналами торговал, одного "Сатирикону" небось тысячу номеров через мои руки прошло, а все-таки прямо скажу: какой он, черт, министр, хоть Гвоздев-то этот самый? Я сер, а он много более меня?» [9, с. 320].

Здесь признаком времени звучит обращение «товарищ», комично соединенное с именем писателя как возможного кандидата в Уч-

редительное собрание. Сам же «товарищ Бунин» [9, с. 32] не прочь подзадорить деревенских высказываться на счет предстоящих выборов. Старуха, например, ругает выборы, называет «срамотой»; старик уверен, что теперь «пропала... Россия»; солдатка даже не думает идти на голосование. При этом старуха еще и высказывает интересное замечание о том, кто «спихнул царя». По ее мнению, это «забубенные господа» и «беглые солдаты». Она же пророчит: «И теперь хорошо, а то ли еще будет! То ли еще будет! Увидишь!» [9, с. 321]. «Записная книжка» Бунина – это публицистическое откровение, созданное в традициях его «Деревни».

Ситуация резко изменилась после революции, случившейся в октябре 1917 года, когда к власти пришли большевики во главе в В.И. Лениным. Учрежденный ими Совет народных комиссаров уже через несколько дней после захвата власти издал знаменитый Декрет о печати. Согласно этому документу немедленному закрытию подлежали газеты и журналы, призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению правительству; сеющие смуту путем клеветнического извращения фактов; призывающие к деяниям уголовно наказуемого характера» [29, с. 90]. После декрета все издания, кроме тех, которые выпускали сами большевики, были запрещены. Новое правительство приложило все усилия, чтобы с помощью прессы пропагандировать свою власть и бороться с инакомыслием. В короткий срок большевиками была создана целая сеть собственных изданий. В 1918 г. выпускались 884 газеты и 753 журнала, а в 1919 г. – около 1000 наименований [29].

За один год большевики сумели создать новую советскую прессу, с помощью которой они всячески пропагандировали свои идеи. Под контролем новой власти появляется специальная военная, экономическая печать, издания для крестьян. Возрождается тип литературно-художественных журналов. Большую популярность приобретают многотиражные газеты для молодого поколения «Комсомольская правда» и «Пионерская правда».

С 1918 года, когда большевики отказались обсуждать в Учредительном собрании вопросы дальнейшего развития страны и объявили о введении диктатуры, в России началась Гражданская война. На территории, контролируемой Белой армией, выходили издания – «Вольная Кубань», «Ставропольские губернские ведомости», «Донской вестник», «Вестник Верховного управления Северной области», «Свободная Россия», «Вестник Верховного круга». Кроме того, в Бе-

лой армии популярностью пользовались религиозные и военные издания: «Вестник Донской Армии», «Голос Сибирской Армии» и другие. Пресса в годы Гражданской войны активно использовалась каждой из воюющих сторон с целью пропаганды своих идей.

Среди белогвардейских изданий подавляющее большинство принадлежало политической прессе. Газеты различных направлений «белого движения», служили сугубо практическим целям – пропаганде борьбы с большевиками. Наибольше известностью пользовалась газета «Великая Россия», которую редактировал Вл. Шульгин. Можно также отметить такие издания как «Голос жизни» и «Голос Юга» [29, с. 11-12]. Кроме того, Белая армия имела множество региональных изданий в разных частях страны, которые существовали до момента окончательного прихода к власти большевиков. Главные темы армейской прессе задавал официальный источник – «Вестник Донской Армии».

По мере продвижения фронта менялся и характер местной прессы. Последние по времени выхода в свет издания Белой армии выпускались в Крыму. После окончания Гражданской войны, в 1922-1923 году, наблюдался «кризис печати», связанный с массовым закрытием местных изданий.

Полуторогодовое пребывание Бунина в Одессе (4 июня 1918 – 24 января 1920 гг.) было временем рождения его как политического публициста. Имя писателя появляется на страницах разной печати «не только "белой", весьма пестрой по своим политическим (от ультралевых до ультраправых) и эстетическим воззрениям, но и "красной", советской», как утверждает А.В. Бакунцев [169, с. 58].

Известно, что количество периодических изданий, выходивших в Одессе в годы революции и Гражданской войны, было весьма значительным, несмотря на то, что военная и политическая ситуация в городе была шаткой: власть буквально переходила из рук в руки.

Одесские газеты сразу же по приезде Бунина в город (июнь 1918 г.) сообщили об этом событии [2, с. 59]. С сентября 1918 г. Бунин начинает публично выступать с чтением своих произведений, публиковаться в газетах «Одесские новости», «Одесский листок», журнале «Объединение», еженедельнике «Огоньки». В ответах на вопросы анкет «Огоньков» и «Одесских новостей» писатель сразу зарекомендовал себя как «убежденный противник большевиков». Как совершенно справедливо отмечает А.В. Бакунцев, «Советскую власть он не приемлет не только политически, но и эстетически» [2, с. 61]. Причем,

эстетическая составляющая «неприятя» в большинстве случаев и в эти годы и позже, будет преобладать в оценках художника. Нередко он и начинать будет именно с нее.

Так, в отрывках «Из «Великого дурмана», опубликованных в «Южном слове» и «Родном слове», поводом к монологу писателя служит публикация первого номера большевистского журнала «Коммунистический Интернационал». Бунин с большой долей сарказма оценивает оформление издания: «На обложке красуется, конечно, обычный лубок: самым площадным образом наляпанный земной шар, весь опутанный железными цепями, и фигура яростно размахивающегося на эти цепи молотом рабочего, конечно, голого, конечно, только в кожаном переднике, конечно, с геркулесовскими мускулами» [11, с. 33]. А далее эстетический взгляд переходит в политический, лично выраженный: «...а в тексте можно прочесть потрясающее по своему бесстыдству заявление Горького "пролетариату всего мира", что Россия "творит ныне великое, планетарное дело", а, во вторых, такие душу раздирающие своей грубостью строки» [11, с. 33]. Писатель приводит слова Троцкого – «одного из главных представителей "рабоче-крестьянской власти", царящей в Кремле» [11, с. 33]. Всю свою речь Бунин посвящает разоблачению высказываний Горького и Троцкого, аргументируя свою позицию реминисценциями из истории России и проецируя их на ее современность. В итоге он не просто утверждает сходство кровавых и беспощадных бунтов прошлого с современным большевистским правлением, но и оценивает текущее во сто крат худшим для России, чем было когда-то в ее истории.

В статье «Не могу говорить», опубликованной в № 1 газеты «Наше слово» (20 марта 1919 г.), Бунин писал о свершившихся Ветхозаветных пророчествах, о победе Садома и Гаморы в советской России. Он начал с апелляции к известному заявлению Л.Н. Толстого «Не могу молчать» и с утверждения, что в период величайшей смуты, творящейся в стране, следовало бы молчать, сжимая уста от гнева и скорби. Но в конечном итоге писатель уверенно провозгласил, завершая свою статью: «И все же – как молчать! Жить все равно надо, в подлинный камень все равно не превратишься. Все же надо говорить – хоть через силу, хоть сквозь стиснутые от боли, отчаяния и негодования зубы, хоть что-нибудь, хотя бы вот об этой невозможности говорить, – если не об общем, не о мировом, то хоть о частном, о нашем, о России, о Москве, где бражничают Емельки и Гришки за сво-

ей кровавой пьяной трапезой. Говорить для чужеземцев, слишком еще мало знающих нас и волею судьбы призванных решать наши судьбы, – чтобы слышали они и мой голос, то, что я говорю, – я, Божиею милостью не последний сын своей родины. Говорить для будущего историка, чтобы смутить его и заставить нахмуриться, стать строже к своему труду, когда дойдут до него наши загробные голоса – славословия этим дням и мое проклятие им до скончания и по скончании их, равно как и тем, кто творит и кто приуготовлял эти дни, а теперь тоже клянет, забывая, что «не властен ударяющий в барабан удержать грохот барабана». Говорить для тех, – да сохранит Господь их драгоценную жизнь! – что доброю волею идут умирать за нашу Москву, за нашу Россию» [12, с. 25-26].

Литературная деятельность Бунина активизируется в период освобождения Одессы от большевиков 10 августа 1919 года. Именно с этого времени он много выступает устно перед аудиторией местной интеллигенции. Самым значительным событием такого формата становится знаменитая лекция «Великий дурман», которая анонсировалась в газете «Южное слово» [2, с. 64] и отрывки из которой позже появились на ее страницах и на страницах «Родного слова». В ходе полемики, разгоревшейся в печати по поводу выступлений Бунина (а их было два), писателя впервые «уличают» в «правом уклоне» [2, с. 65]. Бунин действительно открыто демонстрирует свое неприятие советской власти и симпатии в отношении белой гвардии. Главнокомандующего Вооруженными силами юга России А.И. Деникина он приветствует статьей «В этот день» («Южное слово», 25 сентября, 1919 г.) и речью на банкете (26 сентября). Писатель называет Главнокомандующего «Надеждой России» и просит Божьего благословения его «ратного труда».

В сентябре 1919 года Бунин активно сотрудничает с газетой «Южное слово», фактически руководит ею вместе с академиком Н.П. Кондаковым [169, с. 66] и публикует на ее страницах цикл «литературно-политических, философских и полемических эссе», как их жанрово определяет А.В. Бакунцев, под названием "Заметки" [2, с. 67]. Исследователь справедливо утверждает: «По сравнению со статьями "Не могу говорить" и "В этот день", которые исполнены трагической ветхозаветной патетики, "Заметки" написаны просто и конкретно, в них гораздо больше "человеческого, слишком человеческого". Такая "двойственность" стиля, сочетание высокого слога, ветхозаветной образности с полемической остротой и запальчивостью,

станет со времени "одесского" одной из главных особенностей бунинской публицистики» [2, с. 67]. 26 января 1920 г. писатель покидает Россию.

Последние полтора года пребывания Бунина в России окончательно сформировали его как публициста. Его политические выступления этого времени, постоянно выходившие на страницах «белой» периодики, отличаются едким сарказмом в отношении советской власти и тех ее лидеров, которые вещают от лица народа. Писатель в своих суждениях руководствуется вечными духовными ценностями, прежде всего, Библейскими истинами, от которых совершенно отреклись нынешние правители России. Его голос звучит гневно и в отношении восставшего народа, не готового, по мнению писателя, к руководству страной. Выработанные в отношении революции подходы, формы и способы отбора событий, их репрезентации в собственных текстах сохраняются у Бунина и в период его европейского творчества.

Вопросы и задания

1. Прочитайте «Одесский дневник» Бунина. Каково отношение писателя к событиям первой русской революции (1905 г.)? Как можно охарактеризовать его позицию?
2. Что собой представляют «деревенские зарисовки» о февральской революции 1917 года в «Записной книжке» Бунина?
3. Подготовьте сообщение на тему: «Одесский период в творчестве Бунина-публициста».

II. ЗАРУБЕЖНЫЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА И.А. БУНИНА

§ 1. Публицистические произведения И.А. Бунина в журнале «Современные записки»

«Современные записки» был самым известным и популярным литературным журналом русской эмиграции. За все время существования, с 1920 по 1940 г., было издано 70 номеров, от одного до семи – в год. Журнал задумывался как продолжатель традиций русского издательского дела, получившего свое развитие во второй половине XIX в., и должен был объединить в себе представителей отечественной литературы, критики и журналистики, потомков русской интеллигенции, оказавшихся в условиях вынужденной эмиграции [22, с. 50]. Журнал был призван удовлетворять духовные потребности покинувшего Россию культурного сообщества, которое остро ощущало свое единство, основанное на укорененности в традициях «русского мира». Объединив в себе все лучшее, что осталось от «старой России» и могло быть потеряно навсегда в новых условиях эмигрантской жизни, «Современные записки» стали важнейшим явлением русской эмигрантской культуры.

Редакция журнала представляла собой круг наиболее активных членов русской эмиграции – эсеров, которым, в отличие от представителей либеральных партий, было сложно влиться в европейское общество. Эсеры были чужды Европе по своим взглядам и идеалам, поскольку их духовными учителями были народники, верившие, вслед за Н.Г. Чернышевским и А.И. Герценом, в особый путь России, и противопоставившие Россию Европе. Поэтому созданный ими журнал должен был стать не только центром духовного объединения русской эмиграции, но и своеобразным ответом изгнавшей их большевистской России и давшей им убежище Европе.

Такая позиция заставляла редакцию проявлять большую активность и собирать все лучшее, что было в русской эмигрантской культурной среде. В журнале печатались не только поэты и писатели, но и философы, историки, педагоги, экономисты, общественные, церковные и военные деятели. Отдельное место на страницах «Современных записок» занимал литературно-критический раздел.

Несмотря на то, редакторы были эсерами, они печатали произведения, авторы которых придерживались иных политических убеж-

дений. Это объяснялось демократическим принципом свободы слова и противостоянием идеологизированной литературе советской России. Но на деле срабатывали и экономические причины: редакция постоянно испытывала финансовые трудности, и, чтобы выжить, журнал должен был учитывать мнение аудитории, печатать авторов, признанных читателями. В этой связи журнал стал «зеркалом популярности» писателей русского зарубежья. В конце концов, сложился определенный круг постоянных авторов, которые печатались в журнале, либо их произведения становились предметом критических заметок. Одним из первых в число таких художников слова вошел И.А. Бунин.

Политические взгляды редакции журнала периодически подвергались критике современников. В частности, известный российский либерал П. Струве в газете «Россия» в 1928 г. написал статью «Разочарованные «Отечественные записки»». В ней он упрекал издателей за то, что они отошли от прежних политических взглядов, которых придерживались до 1917 г., и печатают в журнале произведения людей, чьи убеждения идут в разрез с позицией эсеров: «Интересное и показательное обстоятельство, что главные писатели-художники «Современных записок» и, прежде всего, Ив.А. Бунин, по политическим своим взглядам гораздо ближе ко мне, чем к редакторам «Современных записок» [34].

Среди писателей-эмигрантов И.А. Бунин был одним из самых известных. Своей популярности писатель добился еще в первое десятилетие XX в. Более того, Бунин воспринимался как продолжатель традиций русской классической литературы, как наследник Л.Н. Толстого и А.П. Чехова. Его авторитет в литературном мире был огромен, а сам писатель был своеобразным символом старой России, свидетельством того, каких вершин достигла русская культура. Бунина воспринимали как знак литературного превосходства «царского режима», как живой упрек новому советскому правительству, разрушившему бесследно русскую культуру и пытавшемуся создать на ее осколках новый мир.

В этой контексте в 1920-е годы в эмигрантской среде начинается противопоставление И.А. Бунина и А.М. Горького, считавшегося «буревестником революции» и вдохновителем тех, кто уничтожил Российскую империю. В 1930 г. в журнале «Иллюстрированная Россия» Бунин назвал Горького «бездарным и никчемным писателем», а его популярность – явно незаслуженной [3]. Этим обстоятельством воспользовалось советское руководство, которое добилось возвраще-

ния А.М. Горького в Россию и «назначило» его главным писателем СССР.

Также антибольшевистскими были «Окаянные дни» И.А. Бунина, в которых писатель выступил с резкой критикой советской власти. Фрагменты этого произведения публиковались в газете «Возрождение» в 1925-1927 гг., а в полном объеме книга вышла в свет в 1936 году.

Таким образом, Бунина считали не только классиком русской литературы, но и открытым противником советской власти, ярким критиком политики большевиков. Эти обстоятельства определили особое внимание редакции «Современных записок» к крупнейшему писателю русского зарубежья. Правда, такой интерес появился не сразу, И.А. Бунина стали активно печатать в журнале только с 1924 года. На наш взгляд, это связано и с политическими взглядами самого писателя. Для Бунина эсеры были такими же виновниками гибели старой России, как и большевики. Именно эсеры много лет «раскачивали корабль» Российской империи, который в конечном итоге затонул. Однако в 1924 г. у писателя и редакции возникает взаимное расположение, связанное как с общей ненавистью к советской власти, так и с сугубо коммерческими интересами.

Первое произведение И.А. Бунина в журнале увидело свет в номере 18 за 1924 год. Им стал рассказ «Несрочная весна», погружавший читателя в атмосферу уныния и тоски по потерянной Родине. Произведение, наполненное лиричными мотивами, отсылает читателя к стихотворению Баратынского, в котором говорится о неминуемом возрождении утраченной «несрочной вечны». Однако повествователь, напротив, пишет, что эта весна уже давно прошла, и теперь от всего, что было прекрасного в жизни, остались развалины: «запустение, окружающее нас неописуемо, развалинам и могилам нет конца и счета...» [4].

Это произведение пронизано мотивами поражения и гибели. Они определяли объективными фактами: Гражданская война окончательно завершилась, большевики прочно стали у руля власти, всякая оппозиция в России подавлена, в стране начались новые экономические реформы. И.А. Бунин, конечно, предчувствовал, что к старой России возврата нет. Подобные настроения были свойственны многим представителям русской эмиграции в 1923-1924 гг. Потому, вероятно, рассказ вызвал столь восторженный отклик известного литературного критика Ф. Степуна [35].

Следующие два рассказа и пять стихотворений появились в 20 номере за 1924 год. Все произведения наполнены мотивами утраты и ностальгии.

Еще более показательным можно считать рассказ И.А. Бунина «Преображение», где повествуется о смерти старой женщины. В образе умирающей старухи изображена Россия, которая, по словам автора, сама виновата в своих бедах, ведь именно она вырастила то новое поколение, которому стала ненужной. Прежде всего, под этим новым поколением следует понимать советскую власть, а эмигранты представлены в рассказе в образе младшего сына старухи – Гаврилы. На похоронах матери он читает по ней Псалтырь. В центре внимания автора – преобразование, которое происходит с Гаврилой во время отпевания матери. По мнению И.А. Бунина, символическое «отпевание» России на языке предков – это единственное, что остается писателям-эмигрантам.

Таким образом, первые произведения И.А. Бунина в «Современных записках» отразили общие настроения в среде русской эмиграции, связанные с поражением в Гражданской войне, когда стало ясно, что советская власть – это надолго, что для большинства эмигрантов не будет возможности вернуться в Россию.

Особенно остро это ощущали члены редакционной коллегии журнала – активные участники противостояния с большевиками в 1917-1923 гг. Например, Н.Д. Авксентьев одним из первых в России начал вооруженную борьбу с советской властью. Созданный им комитет ставил своей целью уничтожение В.И. Ленина и его соратников. Московский городской голова В.В. Руднев безуспешно боролся с установлением советской власти в Москве в октябре 1917 года. Все редакторы «Современных записок» открыто не принимали советскую власть, и поэтому бунинские мотивы потерянной России, сравнение ее со «старой могилой» были близки эсеровской редакции.

С 1924 г. И.А. Бунин стал постоянным автором «Современных записок». В период с 1920 по 1930 годы здесь было опубликовано около двадцати произведений писателя и несколько критических статей о нем. Журнал стал главной трибуной для И.А. Бунина, здесь опубликованы такие известные произведения писателя, как «Митина любовь» (№ 23, 1925), «Дело корнета Елагина» (№ 27, 1926) и, наконец, первые отрывки из романа «Жизнь Арсеньева» (№ 34, 35, 40, 52, 53).

В это время произведения И.А. Бунина пользовались неизменной популярностью у читателей, а вскоре на страницах журнала стали появляться и критические заметки о творчестве писателя. Первой была рецензия М. Цетлина на сборник «Роза Иерихона». Этот отзыв носит восторженный характер, И.А. Бунин назван здесь «первым русским писателем» и продолжателем «классической традиции в русской литературе» [41].

Художественные произведения И.А. Бунина, напечатанные в «Современных записках», вызывали отклики многих известных критиков и писателей: Федора Степуна, Бориса Зайцева, Георгия Адамовича, Марка Алданова, Михаила Цетлина. Пятьдесят четвертый выпуск журнала за 1934 год был полностью посвящен присуждению И.А. Бунину Нобелевской премии по литературе.

В восемнадцатом номере «Современных записок» (1924) появилась обстоятельная статья З. Гиппиус (А. Крайний), в которой анализировалась ситуация, сложившаяся в русской литературе [19]. Отношения писательницы с редакцией журнала были довольно сложные. Как убежденный либерал, она часто конфликтовала с редакторами-эсерами, и только И. Фондаминский умел поддерживать с ней рабочие отношения. Суждения З. Гиппиус всегда отличались резкостью и крайностями, поэтому ее статьи печатались редко, в отличие от ее стихов.

Рассматривая современную русскую литературу, З. Гиппиус, отказывала СССР в наличии культуры, а потому анализ творчества «настоящих» русских писателей начинала с эмиграции, а в ней – с И.А. Бунина: «Ив. Бунин – без сомнения первый, в современности, художник-беллетрист. Очень много у него и честности писательской, и целомудрия, и самого тонкого вкуса. Он долго молчал. Ему, по индивидуальному свойству таланта, трудно писать о прошлом. Он весь видимый, осязательный, – настоящий. И теперь, когда он пишет о минувшем, – до волшебного обмана претворяет он его в живое, сейчасное: возвращает время на круги свои. Все тот-же Бунин, только, если можно, стал он еще строже, еще собраннее, упругий стиль – совершеннее. Современная наша литература и в Европе сохранила своего российского премьера» [19, с. 128-129].

Однако такое хвалебное начало постепенно переходит в критические высказывания, смысл которых в том, что И.А. Бунин, пусть и великий художник, но только художник, он ничему не учит читателя, к которому совершенно равнодушен. По словам писательницы, в но-

вом творчестве И.А. Бунина отразилась болезненная ситуация изгнания и гибели старой России. В частности, она пишет: «в новых его вещах, – вот в этих до боли сжатых, может быть не в словах – а в молчаниях за словами – есть новая боль, новое воздыхание. Есть жажда, пусть пока неосознанная, найти какой-то синтез своего творчества» [19, с. 130].

З. Гиппиус отмечает, что Бунин остается не понятным для европейцев, что его ценят за русскую экзотику, но не осознают его таланта. Рассуждая об этом, она отмечает: «Экзотична и книга, положим, Гребенщикова о «сибирских» мужиках. Любезные французы даже и не подозревают что, если Бунин чистейшего огня рубин, то Гребенщиков – дай Бог с речного берега камушек; что дома, на родной шахматной доске, Бунин стоял рядом с ферзем, а Гребенщикова на этой доске, пожалуй, и вовсе не бывало» [19, с. 138].

В итоге И.А. Бунин, для З. Гиппиус был знаменит и по достоинству оценен только в старой России, а в эмигрантской среде его «душевный кризис» может привести его и к творческому кризису. Впрочем, З. Гиппиус серьезно критикует творчество большинства современных ей русских писателей. В результате на статью появилось несколько отзывов, обвиняющих Гиппиус в непонимании литературных и культурных процессов вообще.

Одним из первых откликнулся известный политический деятель, историк и культуролог П.Н. Милюков. Не соглашаясь с З. Гиппиус, он также критически отозвался и о произведениях И.А. Бунина, опубликованных в «Современных записках», назвав их примером упадка и кризиса писателя и всей эмигрантской литературы. Анализируя рассказ «Несрочная весна», П.Н. Милюков отмечает: «Поразительная клиническая картина. Но неужели это действительно картина опустошения души старых писателей, заблудившихся в «новой жизни», – картина, объясняющая ту их «политику», о которой скромно молчит Антон Крайний – и приютивший его журнал» [30].

Не менее критичен в оценке статьи З. Гиппиус был С. Юшкевич, отметивший, что подобные авторы не должны печататься в «Современных записках». Юшкевич заступился за М. Горького, которого З. Гиппиус особенно критиковала. Ответом на выступление Юшкевича стала статья писательницы в газете «Последние новости» [20].

Реакция И.А. Бунина на разгоревшуюся полемику неизвестна. Сам он в эти годы практически не участвовал в литературных полемиках, отдаваясь в большей степени политической публицистике. В

1921 г. в газете «Руль» вышла «Записная книжка», где И.А. Бунин, не принявший революционного переворота 1917 г., упрекнул эсеров и либералов в том, что они не смогли удержать власть [3]. Однако писатель в эти годы выступал и как литературный критик, обращаясь к анализу творчества близких ему по духу писателей. В 1929 г., отвечая на вопросы анкеты «Писатели о своих книгах», И.А. Бунин заметил: «Всякий настоящий писатель, конечно, может кое-что сказать о себе не хуже других, ибо непременно должен быть хорошим критиком; ведь его работы каждую минуту требует строжайшей самокритики...» [9, с. 609].

Небольшие критические заметки И.А. Бунина выходят в эмигрантских газетах в конце 1920-х годов: «На поучение молодым писателям», «Думая о Пушкине», «Конец Мопассана». В 1930 г. в «Иллюстрированной России» появляются «Записные книжки», где И.А. Бунин рассуждает о литературе, в том числе и о Горьком. Однако наиболее значимые историко-литературные работы писателя с явной публицистической направленностью выходят в 1927 г. в журнале «Современные записки». Это очерки «О Толстом» (№ 32) и «Дон-Аминадо» (№ 33).

Публикация работы о Л.Н. Толстом, вероятно, связана с несколькими обстоятельствами. И.А. Бунин считал себя продолжателем традиций классической русской литературы и в этом смысле преемником Л.Н. Толстого. Также приближался юбилей великого писателя – 100 лет со дня рождения (1928). С другой стороны, «эсеровская» редакция «Современных записок» считала Л.Н. Толстого одним из ведущих русских мыслителей, близких народу и, следовательно, народническим идеалам. Для редакции журнала именно Л.Н. Толстой, презиравший чины и звания, пахавший землю, пропагандировавший труд, равенство и братство всех людей, был идеальным русским мыслителем и продолжателем идей Н.Г. Чернышевского и А.И. Герцена. Кроме того, важно было показать, что не советская культура, а эмигрантская является настоящим преемницей традиций классика русской литературы.

Однако, вопреки ожиданиям, публикация И.А. Бунина о Толстом (которая открывала номер) не содержала никаких политических рассуждений [5]. С самого начала писатель обозначил главную идею своего произведения: показать себя наследником русской классической литературы, продолжателем традиций XIX века. Очерк И.А. Бунина начинается в этом контексте весьма показательно: «Я почти весь

век прожил в страстной любви к нему и имел великое счастье несколько раз видеть его.

Чехов однажды сказал мне:

– Вот умрет Толстой, и все к чёрту пойдёт» [5, с. 6].

И.А. Бунин, А.П. Чехов и Л.Н. Толстой – вот круг писателей, который сразу очерчивает автор. За пределами этого круга остаются модернисты, символисты, футуристы и прочие «временные» явления в русской литературе. Затем И.А. Бунин, вспоминая о том, как А.П. Чехов рассказывал о Л.Н. Толстом, упоминает, как бы, между прочим, и А.С. Пушкина: «Ведь подумайте, как мы завидуем людям, которые видели живого Пушкина!» [5, с. 6].

Тем самым И.А. Бунин отсылает читателя к истокам русской классики – творчеству А.С. Пушкина. Если учесть, что А.П. Чехов играет здесь роль «переходного звена» между Л.Н. Толстым и И.А. Буниным, то получается следующая «схема»: А.С. Пушкин – Л.Н. Толстой – А.П. Чехов – И.А. Бунин. При этом И.А. Бунин покинул Россию, которая по его представлениям навсегда умерла. Следовательно, именно И.А. Бунин – последний классик русской литературы, продолжатель ее традиций, на которых она должна завершиться.

Не упустил И.А. Бунин из виду и И.С. Тургенева, хотя и не включил его в свою «линейку» классиков. Рассказывая о том, что его отец много пил, играл в карты и не вел хозяйство, писатель замечает, что тот ссылался на А.С. Пушкина и И.С. Тургенева, которые имели те же склонности. Не случайно отец писателя, хотя и сравнивал себя с Тургеневым, но при условии своего превосходства: «А Тургенев, какой такой хозяин? Месяцами пропадает на охоте да по Парижам летает. Да я-то хоть, по крайней мере, отлично понимаю, что такое хозяйство, а он в нем ни бельмеса не смыслит...» [5, с. 6].

Писатель вспоминал, что его отец нелестно отзывается и о Л.Н. Толстом: «Я его немного знал, – говорил он небрежно. – Во время севастопольской кампании встречал... Тоже хорош! Колоды карт видеть спокойно не мог!» [5, с. 6]. Однако на восприятии сына эти колкие выпады не отразились. Бунин отмечает, что любил и уважал Толстого уже в раннем детстве, как будто инстинктивно, не читая еще его произведений: «Откуда были у меня такие чувства к человеку, которого я еще ни строки не прочел?» [5, с. 7]. В трактовке писателя – духовное родство, некая символическая предопределенность будущей встречи и притяжения.

Бунин достаточно подробно рассказывает о своих попытках познакомиться с Толстым, при этом критически относясь к его последователям, т.н. «толстовцам». Они изображены людьми примитивными, которые не воспринимали всей глубины учения классика, тем самым искажая его. На этом фоне, описывая свою встречу с Л.Н. Толстым, писатель подчеркивает, что это было знакомство людей духовно близких. Неслучайно упоминается, что даже в походке и манерах Толстого было «большое сходство с моим отцом» [5, с. 14].

Толстой тоже вспомнил об отце начинающего тогда автора и спросил: «Бунин? Это с вашим батюшкой я встречался в Крыму? Вы ведь родственники Гротам?» [5, с. 14]. Бунин словно демонстративно подчеркивает свою глубокую и давнюю связь его с «живым» классиком.

Показательно и описание последней встречи двух писателей. Прогуливаясь по Арбату, Бунин случайно увидел Толстого. Между ними завязывается беседа, которая стала своего рода последним напутствием молодому художнику. Обращается внимание на то, что выглядел Толстой плохо: «лицо его застыло и посинело». В конце недолгого диалога Толстой несколько раз пожал руку Бунина и, глядя «горестно в глаза», произнес: «Ну, Христос с вами, Христос с вами...» [5, с. 18]. Этим символическим благословением «умирающего» Толстого закончил Бунин свой очерк. Показательно, что в своем произведении автор не называет никаких дат. Главный его смысл, вероятно, заключался не в фактической точности, а в том, чтобы показать связь поколений русских писателей. Этот очерк «О Толстом», получился одновременно и очерком о самом Бунине.

Публикация И.А. Бунина вызывала восторженный отзыв либерального политического деятеля Г.С. Струве в газете «Россия». Он называл очерк «чудесным» и сравнил его с устным вариантом, прочитанным самим писателем на творческом вечере в Париже. В своей заметке Г.С. Струве отмечает: «Надо прочесть этот небольшой, на 13 страничках, очерк целиком, а еще лучше – прослушать его в чтении автора, чтобы вкусить всю его прелесть: сочетание Толстого – изображаемого с изобразителем – Буниным доставляет огромное наслаждение. А как хорошо, с каким тонким и мягким юмором описаны в начале «толстовцы» [36]. Вообще Г.С. Струве был близок И.А. Бунину по политическим взглядам и всегда относился к его творчеству с большим вниманием и почтением.

Своей отзыв на публикацию И.А. Бунина «О Толстом» оставил в газете «За свободу» А.М. Хирьяков. А.М. Хирьяков в те годы был хорошо известен в эмиграции как писатель и поэт, литературный критик, журналист и мемуарист. Для нас важно то, что он лично знал Л.Н. Толстого, много раз бывал в Ясной Поляне. А.М. Хирьяков вступал как последователь учения Л.Н. Толстого, до 1917 г. был членом Комитета по изданию его произведений.

В начале своего отзыва А.М. Хирьяков пишет, что воспоминания И.А. Бунина – лучшая публикация в номере. Оценивая ее подробно, он отмечает: «Эти воспоминания представляют двойной интерес: с одной стороны, как внесение некоторых черточек в изображение великого писателя, черточек большею частью внешних, но воспроизведенных художественной кистью Бунина, с другой же стороны, эти воспоминания являются ценным вкладом в биографию самого Бунина» [39]. А. Хирьяков согласен с писателем в оценке толстовцев и, основываясь на своих воспоминаниях, находит верными черты великого мастера русской литературы. «Ровно через год исполнится сто лет со дня рождения Толстого. Во многих странах уже готовятся к этому дню. Если советская власть удержится до этого времени, то мы будем свидетелями величайшего лицемерия: убийцы и развратители будут чествовать Льва Толстого» – заканчивает свою заметку А. Хирьяков [39].

Столь лестные отзывы об очерке И.А. Бунина обусловлены не только его бесспорными художественными достоинствами, но и тем, что их авторы считали, что белая эмиграция, а не советская Россия, может считаться преемницей учения и творений великого писателя. Именно эта мысль И.А. Бунина получила поддержку в статьях и Г.С. Струве, и А.М. Хирьякова.

В 1927 г. в номере 33 «Современных записок» вышел небольшой очерк Бунина о сборнике стихов поэта-эмигранта Дона-Аминадо (Аминада Петровича Шполянского) «Наша маленькая жизнь». Дон-Аминадо был хорошо известен в Париже как талантливый поэт-юморист, автор злободневных стихов и сатир. Давая свою оценку творчества поэта, И.А. Бунин отмечал: «Дон-Аминадо гораздо больше своей популярности (особенно в стихах) и уже давно пора дать подобающее место его большому таланту, – художественному, а не только газетному, злободневному» [6]. Обращает на себя внимание тот факт, что писатель ставит художественный талант много выше

публицистического, подчеркивая непреходящую ценность первого и хронологическую зависимость второго.

В 1928 г. в газете «Дни» появился обзор номеров «Современных записок» за подписью Н. Макеев. В нем И.А. Бунин отмечен в качестве наиболее ценного автора журнала: «Из всех больших писателей, оказавшихся в эмиграции, пожалуй, один Бунин не только ничего не утратил из своего прежнего мастерства, но и переживает период высокого творческого подъема» [26].

Однако после получения Нобелевской премии Бунин переживает душевный кризис. Современный литературовед М. Шраер отмечает: «Последняя треть 1930-х годов была крайне тяжелым периодом в жизни стареющего Бунина. Он был опустошен разрывом с Галиной Кузнецовой <...> В своих дневниках 1934-1935 годов писал о периоде какого-то помешательства <...> о подступающей старости, о соскальзывании в бездну отчаяния, о потере силы воли, о бессмысленности жизни» [42].

Кризис И.А. Бунина сопровождался стремительным взлетом популярности В.В. Набокова, который вскоре стал самым востребованным русским писателем за рубежом. Безусловно, И.А. Бунин болезненно переживал восхождение В.В. Набокова. К тому же последний «в своем творчестве сумел не только впитать классические традиции русской литературы, но и модернизма, столь ненавистного И.А. Бунину» [42, с. 64]. Кроме того Набоков вел себя независимо, много работал, активно печатался. Зная свою популярность, он даже мог позволить себе издать в «эсеровском» журнале свой роман «Дар», где Н.Г. Чернышевский и сами эсеры показаны в крайне нелицеприятном свете (хотя несколько глав романа были все-таки вырезаны редакцией «Современных записок»).

По данным М. Шраера, «в период с 1930 по 1940 год материалы Набокова и о Набокове печатались в 28 номерах из 30 номерах журнала. А публикации, посвященные Бунину, и его собственные произведения в 10 номерах», тогда как с 1920 по 1930 год в «Современных записках» было опубликовано лишь 10 произведений Набокова и о нем, в то время как Бунина и о Бунине – 20 [42].

«Кризис» художественного творчества И.А. Бунина продолжался несколько лет, но он породил серию публицистических произведений писателя. Прежде всего, в эти тяжелые годы художник вновь обратился к наследию Л.Н. Толстого, которому посвящает книгу «Освобождение Толстого». Наиболее полные отрывки из этого произве-

дения печатались в «Современных записках» (№ 63, 1937 год). Кроме того, отрывки из книги публиковались в «Русских записках», а также в четырех номерах газеты «Последние новости». Работая над «Освобождением Толстого», писатель пользовался вышедшим в СССР 90-томным Полным собранием сочинений классика, особенно его дневниками и записными книжками [9, с. 569].

Обращение И.А. Бунина к Л.Н. Толстому позволило писателю найти в себе душевные силы для того, чтобы вернуться к художественному творчеству. Неслучайно именно в 1937 году Бунин приступил к работе над своим «завещанием», сборником рассказов «Темные аллеи», в котором он дал ответ модернизму, В.В. Набокову и доказал, что его творческий и духовный кризис был временным [208, с. 64].

Новое произведение писателя о Толстом отличалось от изданного 10 лет назад ему посвященного очерка. Если тогда ему важно было показать преемственность поколений в русской литературе, то теперь Бунин обращался к «глубинной» философии Л.Н. Толстого. Неслучайно это произведение посвящено единственному эпизоду в судьбе писателя – его смерти.

Взяв в качестве цитаты слова Будды «Отверзите уши ваши, монахи: Освобождение от смерти найдено!», И.А. Бунин, как не парадоксально, понимает под смертью бессмысленную и пустую, полную страданий и горестей жизнь. В знаменитом рассказе «Смерть Ивана Ильича» Толстой говорит о прозрении своего героя перед кончиной и получении в этом освобождения от «смерти»: «Он искал своего прежнего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было. Вместо смерти был свет... «Кончена смерть, – сказал он себе. – Ее нет больше». Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер» [38].

Повествование о жизни-смерти Толстого Бунин начинает с многочисленных цитат, смысл которых в том, что окружение человека, его близкие, его земное существование, с горестями, радостями, страданиями и счастьем – только физическое существование, не настоящая жизнь, а смерть – по сути своей. Бунин замечает, что отречение от всей этой суеты было величайшим подвигом Толстого: «великое отречение от земного Мира, – еще один из тех тяжелых подвигов ради спасения от смерти, ради «освобождения» от нее, коими прославлен уже целый сонм мудрых и святых, известных Миру» [7].

Затем Бунин подробно описывает порывы писателя к бегству из дома, от родных и друзей. Рассуждая о причинах этого, художник замечает: «Почему бежал? Конечно, и потому, что «тесна жизнь в доме, место нечистоты есть дом», как говорил Будда» [7, с. 249]. В своем сочинении Бунин сумел очень точно и ярко передать обстановку, сложившуюся вокруг Толстого, этот «сумасшедший дом», полный обывательских дрызг и суетных мелочей.

Трагизм ситуации связан с тем, что Толстой сознательно выбирает физическую смерть. Он хочет умереть, и умереть не дома, а подальше от всех: «Он бежал «куда-нибудь» и не мог не знать, что по его годам и слабостям телесным, при тех обмороках, в которые он впадал порой при малейшем переутомлении, ждала его на пути только смерть. «Но это-то и хорошо». Лишь бы не умереть, как умирает человек этого Мира, до конца изжитого им, а умереть как зверь, – по древнейшему закону природы; в той священной тайне, в которой умирает «где-то» всякий свободный зверь, всякая свободная птица, ибо никогда не находит человек ни свободного зверя, ни свободной птицы мертвыми ни в городе, ни в деревне, ни даже в чистом поле» [7, с. 249].

Описывая бегство Толстого, Бунин не только со стороны наблюдает его трагедию, но и сопереживал своему герою. В этом бегстве от общества, от Мира И.А. Бунин видел и свое успокоение. Мысль о том, что Толстой осознал простоту жизни и смерти, отринул от себя иллюзии, которые создает человеческое общество (славу, богатство, чины, звания и прочее), прослеживается на протяжении всего произведения. Толстой мечтал сделаться никем, жить так, чтобы ничто не привязывало к жизни: «Он с радостью говорил Татьяне Львовне незадолго до бегства, что он мечтает поселиться в ее деревне, где его никто не знает: «Я там могу ходить и просить под окнами милостыню». Бесконечно знаменательны эти слова, – эта мечта быть юродивым, ничем не дорожающим в жизни и всеми презираемым, стать никому неизвестным, нищим, смиренно просящим с сумой за плечами кусок хлеба под мужицкими окнами» [7, с. 254].

Эти интенции повторяются в тексте несколько раз, в них Бунин видит главную причину прозрения писателя. Вероятно, неслучайно автор концентрирует внимание на суетности существования. Таким образом, возможно, он пытался пережить собственные проблемы, связанные со своим окружением.

«Освобождение Толстого» стало главной публицистической книгой И.А. Бунина, результатом глубоких переживаний писателя, его размышлений о смысле человеческого существования, о скоротечности и суетности жизни. Те же темы нашли художественное воплощение и в цикле рассказов «Темные аллеи», к работе над которыми Бунин приступил сразу после выхода книги о Толстом.

Между тем, в № 69 «Современных записок» за 1937 г М. Алданов вышла обстоятельная рецензия на книгу «Освобождение Толстого». Работа начинается с разоблачения М. Горького, когда-то высказавшемся о Толстом как о талантливом, но не умном писателе. Затем рецензент переходит к произведениям самого Горького, именуя его посредственным и незначительным беллетристом. «Теперь книгу о Толстом выпустил художник гораздо более крупный, чем Горький. Надо ли говорить, что она написана в совершенно ином тоне» – замечает М. Алданов [1, с. 465].

Смело сравнивая Горького и Толстого, автор избегает сравнения Толстого и Бунина. Он пишет только, что «как писатель, Бунин не слишком многим обязан Толстому: очень они различны» [1, с. 465]. Однако давая общую оценку работе Бунина о Толстом, оценивает кратко, но емко: «Книга поистине превосходна» [1, с. 465]. В конце рецензии Алданов отмечает, что выводы И.А. Бунина спорны, но полемика потребовала бы новой книги. «Прав ли или неправ Бунин в своем понимании освобождения Толстого, чрезвычайно ценно и интересно его освещение жизни и мысли величайшего из всех писателей», – заключает рецензент [1, с. 467]. При этом самым ценным в книге признаются воспоминания о личных встречах двух писателей.

Следующее публицистическое сочинение И.А. Бунина вышло в 68 номере «Современных записок» за 1938 г. и было посвящено недавно скончавшемуся А.И. Куприну [8]. Судьба этого писателя сложилась не просто. В 1919 году он вступил в Белую армию. Позже оказался во Франции, где прожил семнадцать лет. К концу жизни писатель вернулся в СССР. Потому отношение к нему и в советской России, и за границей было неоднозначным.

Свой очерк И.А. Бунин начинает с воспоминаний о писателе как интересном и сложном человеке. Он особенно подчеркивает различие между человеком и писателем: «Как он жил, каким был в жизни, известно слишком многим. И вот что замечательно: та разница, которая была между тем, как он жил и как писал» [8, с. 310]. Как человек Куприн был простым, внимательным, приятным, а как писатель – был

слишком разноликим. Это происходило, по мнению И.А. Бунина, оттого, что он работал часто и много за деньги, на злобу дня.

«В талантливость Куприна входил большой дар заражаться и пользоваться не только мелкими шаблонами, но и крупными, не только внешними, но и внутренними. И выходило как будто так: требуется что-нибудь подходящее для Невской газетки? пожалуйста, – в пять минут сделаю и, если нужно, не побрезгую писать чуть не вроде того, что «заходящее солнце косыми лучами освещало вершины деревьев...»; надо написать рассказ для «Русского Богатства»? и за этим дело не постоит, – вот вам “Молох”», – отмечал И.А. Бунин [8, с. 315].

Как писатель А.И. Куприн напоминал рабочего, готового выполнять свою работу по мере необходимости. Слава к Куприну пришла тогда, когда писатель в нем был выше человека. Но со временем, постепенно, человек в Куприне стал побеждать писателя, тогда и открылся совершенной новый Куприн, тот, который был очень близок к жизни и к природе, «любил весь мир» [8, с. 316]. В итоге, интерес к его творчеству пропал, поскольку читатель предпочитает иметь дело с писателем, а не с живым человеком, – считал Бунин.

Безусловно, в этих размышлениях о Куприне отразились собственные взгляды автора очерка на сущность писательского мастерства. Так или иначе, И.А. Бунин, хотя и друживший с А.И. Куприным, оставил о его творчестве неоднозначный отзыв. Известный поэт, критик В.Ф. Ходасевич писал: «Из литературных статей, напечатанных в той же книжке «Современных записок», еще одна, несомненно, привлечет внимание читателей. Это – статья И.А. Бунина о покойном Куприне. Мемуарного материала в ней почти нет, речь идет не о личности Куприна, а об его творчестве. Вероятно, многих весьма удивит суровейший приговор, выносимый бесспорным королем современной русской прозы недавно умершему другу» [209].

Ходасевич замечает, что Бунин отказывается признать свою литературную близость с Куприным, хотя для всех этот факт был очевидным. Схождение, как считается, обусловлено «возрастом, эпохой, общностью вкусов». Однако, автор будто отрекается от творческого родства с Куприным. По мнению Ходасевича, в «статье слышится некоторое как бы удивление, озадаченность теми грустными выводами, которых Бунин прямо не делает, но которые сами собой напрашиваются» [40].

В завершении Ходасевич вновь возвращается к поставленному вопросу: «общий приговор Бунина вышел строг, и эта строгость, конечно, вызовет разноречивые толки» [40]. Ему кажется странным, что в своей оценке собрата по перу Бунин фактически поддержал символистов, считавших Куприна «бездарностью».

Мнение самого В. Ходасевича четко не высказано. Он соглашается с тем, что А.И. Куприн не был великим писателем, но все же его позднее творчество он считает достойным внимания и уважения: «старость лишила его того литературного удалства, которое многими ошибочно принималось за мощность. Письмо его стало как будто бледнее, на самом же деле – сдержаннее, благороднее. Он никогда не был человеком сильной мысли, но у него появилась та мягкая, пусть уже старческая, вдумчивость, которой ему прежде не доставало» [40]. Здесь В. Ходасевич прямо противостоит точке зрения Бунина.

Причины такого строгого отношения Бунина к Куприну для Ходасевича осталось не понятными, хотя он и не стремится их раскрыть, оставив выбор за читателем. Мы можем предположить, что резкий отзыв Бунина вызван отъездом Куприна в СССР. Известно, что писатель был противником каких-либо компромиссов с советской властью.

В 1940 году журнал «Современные записки» прекратил свое существование. И.А. Бунин реже обращается к публицистике. Из литературно-критических работ можно отметить его предисловие к роману Ф. Мориака «Волчица» (1938), а также к книге А. Клягина «Страна возможностей необычайных» (1947). Наиболее значимым следует признать – мемуарный цикл «Воспоминания» (1950). Незаконченной осталась работа о А.П. Чехове (1952) [9, с. 106, 612].

Таким образом, журнал «Современные записки» многие годы давал И.А. Бунину возможность печатать не только художественные, но и публицистические произведения. Хотя редакция журнала исповедовала политические взгляды, вовсе не близкие писателю, их творческое сотрудничество было «взаимовыгодным» и приносило, в первую очередь, удовлетворение читателям. Всего в «Современных записках» вышло четыре произведения Бунина, имевших публицистическую направленность. Но они вызывали неизменный интерес критиков русского зарубежья и служили поводом для интересной полемики, в которой затрагивались не только вопросы литературы, философии, но и политики, истории.

Вопросы и задания

1. Что представлял собой журнал «Современные записки» по типологическим характеристикам?
2. Каков состав редакции «Современных записок» и политика издания?
3. Прочитайте рассказ «Несрочная весна». Определите тему, идею произведения. Каково символическое значение названия рассказа? Соотносится ли его настроение с публицистикой Бунина 1920-х годов?
4. Каких вопросов касалась полемика вокруг имени Бунина, развернувшаяся на страницах «Современных записок» в 1924 году?
5. Познакомьтесь с очерком Бунина «О Толстом». Как, размышляя о Толстом, Бунин говорит о себе?
6. Какие философско-эстетические проблемы поднимаются Буниным в книге «Освобождение Толстого»?
7. Как Бунин оценивает творчество А.И. Куприна?

§ 2. Проблемное пространство публицистики Бунина-эмигранта

Публицистика Бунина эмигрантского периода занимает особое место в творческом наследии писателя, поскольку именно в это время слово, сказанное в газете или журнале, выходит у Бунина на первый план, зачастую оттесняя собственно художественные тексты. Первые годы жизни Бунина во Франции связаны с публицистическим осмыслением трагедии, случившейся с Россией. По утверждению Глеба Струве, временное «творческое оскудение» писателя было следствием его острой реакции на политическую ситуацию в России. Вместе с тем период с 1918 по 1924 гг., совпадающий с пребыванием писателя в Одессе и в Париже, был особенно богат публицистическими материалами Бунина. В это время он печатался по несколько раз в месяц и даже сам являлся организатором ряда периодических изданий («Южное слово» – ежедневная газета, выходившая в Одессе в 1919-1920 гг. при ближайшем участии И.А. Бунина и Н.П. Кондакова; а также ежедневная политическая, экономическая и литературная газета «Утро», выходившая в Нью-Йорке в 1922 г. при участии А. Аверченко, И.А. Бунина, К. Бальмонта, Дон-Аминадо, А. Куприна и др. Редактор А. Ган). В эмигрантской прессе 1920-х годов Бунин выступал с публикациями, в которых, с одной стороны, настаивал на отказе от компромиссов с большевиками, а с другой, давал высокие оценки лидерам белого движения. Генерала Деникина писатель знал лично и отзывался о нём как о человеке благородном и простом в общении. Адмирал Александр Колчак, по утверждению Бунина, заслужил осо-

бое место в истории: «Настанет время, когда золотыми письменами... будет начертано его имя в летописи русской земли» [12, с. 97].

Публицистическое слово было для Бунина единственным средством для того, чтобы излить всю ту боль и отчаяние, с которым он воспринял большевистский переворот и сложившуюся на родине ситуацию. Более того, именно публицистическое слово Бунин считал своим единственным орудием против ненавистного режима, который захватил не только Россию, но и путем пропаганды через литературу и средства массовой информации «одурманивал» границу. Эта позиция писателя наиболее ярко представлена в получивших широкую известность и впоследствии неоднократно опубликованных рядом значительных европейских изданий лекционных выступлениях Бунина «Великий дурман», а также более поздней речи «Миссия русской эмиграции», в которой писатель уже совершенно отчетливо и однозначно формулирует свою, равно как и общую, цель литературной эмиграции – словом бороться с тем злом, которое воплощала собой советская власть и большевистская идеология, бороться до конца и оставаться непримиримым несмотря ни на что.

О.Н. Михайлов определил публицистику Бунина как органическую часть собственно художественного творчества писателя [12, с. 5], причем именно художественное начало особенно подчеркивалось литературоведом. Однако следует отметить, что данное определение в полном безоговорочном смысле раскрывается применительно к публицистике писателя второй половины 1920-х годов, в то время как в работах Бунина начала эмигрантского периода (1920-23 гг.) царят настолько горькие и болезненные настроения, что даже элементов художественности здесь почти не найти, за исключением небольших вставок, зачастую написанных Буниным ранее и впоследствии составивших основное содержание «Окаянных дней». Выраженная художественность приходит позднее, в частности одним из таких «просветов» на общем мрачном фоне публицистических работ писателя становится «Записная книжка», опубликованная в апреле 1921 года в ежедневной газете «Новая русская жизнь», органе русской освободительной национально-государственной мысли, издававшемся в том числе при ближайшем участии А.И. Куприна (Гельсингфорс, 1919-1922). В газете был помещен вариант рассказа Бунина «Третий класс», ставший первым значительным художественным вкраплением в контекст послеоктябрьской публицистики Бунина.

Существенный перелом в творческой деятельности писателя начинается с 1924 года, после состоявшегося в Париже вечера, получившего название «Миссия русской эмиграции», в котором участвовали: И. Шмелёв, Д. Мережковский, Г. Спасский, А. Карташев, И.Я. Савич, Н.К. Кульман и другие. Речь Бунина была вступительной и задавала тон всему мероприятию. Впоследствии данное событие, и в частности речь Бунина вызвали широкий резонанс как в «левой» зарубежной печати, так и в советской России. Спустя месяц В.Н. Муромцева отметила в дневнике: «Последствия вечера «Миссия русской эмиграции» все еще чувствуются» [10, т. 2, с. 101]. Лейтмотивом оппозиционных мнений стала попытка «похоронить» Бунина, равно как и разделяющих схожие взгляды писателей. Характерны заголовки статей «Голос из гроба» («Последние новости», Париж, 1924 г.), «Маскарад мертвецов» («Правда», Москва, 1924 г.) и ряд других.

В 1925 г. в журнале «Современные записки» (№ 23-24) Бунин публикует повесть «Митина любовь», вызвавшую множество рецензий в эмигрантских изданиях. В том же году парижская эмигрантская газета «Возрождение» начинает публиковать отрывки из дневников Бунина, получивших название «Окаянные дни». В полном виде книга вышла в свет лишь в 1936 году в берлинском издательстве «Petropolis» в составе Собрания сочинений Бунина. Многие исследователи обращают внимание на то, что ежедневные записи, которые писатель вел в 1918 – 1920-х годах, отличаются от дневников, представленных в книжном варианте. И это не удивительно, поскольку к печати Бунин готовил не столько хронологически последовательный, сколько мозаичный дневник, объединяющий множество разрозненных фрагментов. Первая часть «Окаянных дней» состоит в основном из миниатюрных зарисовок, воссоздающих общую атмосферу в послереволюционной Москве: писатель фиксирует тексты уличных плакатов, газетные заголовки, случайные реплики прохожих. Образ города создается за счет выхваченных из толпы лиц, мелькающих с калейдоскопической быстротой, как на моментальной фотографии. Во второй части, повествующей об Одессе 1919 года, преобладают короткие рассказы и заметки [33]. Важно отметить, что изначально все эти фрагменты так или иначе фигурируют на страницах публицистических произведений Бунина 1917-25 гг.

Со второй половины 1920-х годов политический посыл постепенно уходит из бунинской публицистики, однако и количество публицистических работ заметно сокращается. Писатель сосредотачива-

ется на литературно-критических статьях и мемуарах, выпускает книгу «Освобождение Толстого» (1937), создает ряд очерков о Семёновых-Тян-Шанских и поэтессе Анне Буниной, приступает к мемуарам о Чехове, которые так и останутся незавершёнными и будут изданы лишь после смерти писателя его женой В.Н. Муромцевой-Буниной.

Прежняя полемичность возвращается к Бунину во время работы над книгой «Воспоминания», вышедшей в 1950 году, – в ней, по мнению исследователей, восьмидесятилетний писатель продемонстрировал тот темперамент, что был ему свойствен в послереволюционную пору [12, с. 5-20].

Изгнание Бунина, равно как и публицистика его эмигрантского периода, начинаются не в 1920 году, а двумя годами ранее в Орше, ставшей своего рода границей между РСФСР и Украиной. Именно отсюда начинается его «крестный путь через Одессу, Константинополь, Софию в Париж, чтобы, в конце концов, упокоиться в чужой, французской земле» [12, с. 7]. В эти два года Бунин печатается много, и работы его наполнены особенно горьким чувством самых страшных предчувствий и наблюдений, порой даже ощущением безысходности, которое, тем не менее, всегда сменяется чуть брезжащим огоньком надежды в конце – надежды на возрождение, а точнее, на непереносное воскресение России. Чувство это всегда связано с многочисленными библейскими вкраплениями в печатном слове писателя этих лет. Необходимо отметить ряд работ 1918-1920 гг., поскольку они начинают основные темы и ставят многие проблемы публицистики более позднего периода.

В 1918 году Бунин печатается в таких изданиях как «Одесский листок», «Одесские новости». В «Интервью сотруднику «Одесского листка» Бунин рассказывает о первых впечатлениях от разоренной революцией Москвы: «Впечатления от нынешней Москвы – самые тягостные. Грязные улицы, ухабы, наполненные водой; по ночам – тьма крошечная; серая толпа, злые лица; полудикие извозчики носят с гиканьем и свистом; стрельба <...> и везде, сверху донизу – кипящая ненависть к большевикам» [12, с. 21]. Бунин говорит о настроениях в Москве, о том, что советская власть не может укрепиться, поскольку ни в ком не находит поддержки, и ссылается прежде всего на интеллигенцию, в частности на литераторов, большинство из которых, за исключением И. Ясинского и А. Блока, большевизм не приняли. Среди прочих звучат имена В. Брюсова, А. Белого, Ф. Сологуба, Л. Андреева, М. Горького, А. Куприна. Ко всем этим авторам

Бунин изменит отношение впоследствии, дав их творчеству порой крайне резкую оценку (Горький, Брюсов, Сологуб, и даже отчасти Андреев). Эмоциональное осмысление разворачивающихся событий нарастает от статьи к статье, оно сквозит уже в заглавии напечатанной несколькими месяцами позднее работы «Страшные контрасты» («Одесские новости», 1918 г.). Здесь Бунин продолжает развивать тему художественного творчества, осмысливая ее в контексте постигших литературу «страшных» контрастов: с одной стороны, Тургенев, Толстой, Пушкин, то есть вся традиция русской классики, с другой же, современная русская литература во главе с Блоком и Горьким. Впервые возникает та оппозиция «свое» – «чужое», которая получит столь широкое развитие впоследствии, станет одной из основополагающих в заметках Бунина о литературе.

В апреле 1919 года в газете «Наше слово» Бунин публикует статью «Не могу говорить», в которой находят отражение многие темы его последующих работ. Одна из таких тем – противопоставление прошлого и современности. Оппозиция вновь осмысливается писателем в контексте литературного творчества, но теперь разворачивается более широко. Отсылка к классической традиции русской литературы обозначена уже в заглавии, обыгрывающем слова Толстого «Не могу молчать!» (публицистическая статья Толстого 1908 года с одноименным названием, направленная против казней после революции 1905-1907 гг.). Бунин впоследствии неоднократно будет включать в свои работы цитаты из Толстого, признавая последнего своим предшественником не только в литературном, но и в мировоззренческом плане. Делая прямые цитаты из произведений Толстого неотъемлемым, а нередко и структурообразующим элементом собственных статей (см.: «Заметки» // Южное слово, 1919 г.), Бунин подчеркивает, что слова Толстого как нельзя более актуальны и зачастую звучат пророчески.

В статьях этого времени отчетливо проявляются ветхозаветные мотивы, в частности Бунин неоднократно вспоминает слова пророка Исаяи, а также «Книгу Иова». Показательна параллель, проведенная писателем между судьбой Иова и своей собственной долей, которая представлена в статье «В этот день» («Южное слово», 1919 г.). В данной работе писатель неоднократно возвращается к тому страшному дню третьего ноября – дню начала восхождения России на Голгофу и его собственного крестного пути: «А потом я пережил тысячи ледящих вестей оттуда, где когда-то была наша Россия, и часто го-

ворил себе: «Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек!» [12, с. 29] Важно отметить, что уже в этой публикации появляется осмысление собственных целей и задач, собственного назначения, которое окончательно будет сформулировано в «программной» речи «Миссия русской эмиграции». Писатель уже намечает основные цели своей работы: антибольшевистская деятельность, борьба с советской властью всеми доступными ему средствами. «Не могу говорить!» – повторяет Бунин, но именно говорить, а не молчать становится как никогда важно.

С 1919 года Бунин вместе с академиком Н.П. Кондаковым принимает активное участие в издании ежедневной газеты «Южное слово» (Одесса, 1919-1920 гг.). В.Н. Муромцева-Бунина записала в дневнике: «Ян согласился взять на себя редакторство только потому, что если бы он отказался, газета стала бы влачить жалкое существование, попала бы она в руки правых или же была бы под ферулой Клименко. За Яном вошел Кондаков, согласились участвовать Кипен, Шмелев, Тренев, Ценский, остался Федоров, которого бывшая редакция, не спросясь, поставила в числе сотрудников своей новой газеты «Современное Слово». Так она поступила, по-видимому, и с Койранским, и со многими другими» [10, т. 1, с. 318]. Здесь же Бунин печатает большую часть собственных работ этого времени: «Ответ на анкету «Южного слова» о добровольческой армии», «В этот день», «Речь на банкете в честь А.И. Деникина», цикл статей под заглавием «Заметки», «Из “Великого дурмана”».

В своем «Ответе на анкету «Южного слова» о добровольческой армии» Бунин обращается к ставшей впоследствии традиционной в его публицистике теме повторений в истории. Исторические события движутся по спирали, но в России они часто движутся по кругу, и то, что уже имело место быть много лет назад, повторяется вновь, но порой с гораздо большим размахом. Так случилось и с революцией, которая мыслится и всячески представляется в советской литературе и печати как нечто новое, невиданное ранее, как то, что заложит начало новой невиданной доселе жизни, того самого светлого будущего, обещанием которого оправдываются неисчислимые страдания настоящего. Учитывая же историческую повторяемость, стирающую с бессмысленного и беспощадного русского бунта самый притягательный аспект «новизны», «Великая российская революция» превращается в кровавую «нелепицу», как уже называли подобные эпохи в древней Руси: «Повторилось то, что уже бывало на Руси, только в не-

бывалой еще величине» [12, с. 26] или позднее: «История повторяется, но нигде, кажется, не повторяется она так, как у нас, и не Бог весть сколько оснований давала ее азбука для розовых надежд. Но мы эту азбуку сознательно и бессознательно запамятовали [12, с. 52].

Говоря о событиях современной истории, Бунин обращается к роману Достоевского «Бесы», который в те годы, по словам Муромцевой-Буниной, становится настольной книгой писателя. Бунин вспоминает оказавшиеся пророческими слова Верховенского о том цинизме и «разврате неслыханном», которым одурманится русский народ. Пророчества персонажа Достоевского сбылись полностью, но в мере, даже им самим не предвиденной. Важно, что с романом «Бесы» связана и другая линия в публицистике Бунина – линия надежды на воскресение, на возрождение России. «Заплачет Русь по старым богам» – продолжает Верховенский, и Бунин полностью соглашается с ним: заплачет и возвратится к прежним истинам. Эта фраза является одной из наиболее частотных в работах писателя этих лет, надежда на воскресение неразрывно связывается с возвратом к прошлому патриархально-монархическому укладу.

В небольшой, но чрезвычайно важной заметке «Ответ на анкету "Южного слова" о добровольческой армии Бунин вновь обращается к Писанию, и здесь звучит еще одна цитата из книги пророка Исайи, ставшая лейтмотивной в публицистике Бунина, и повторяющаяся впоследствии более 10 раз в работах разных лет: «Вот, по слову писания, темнота покроет землю и мрак народы... И лицо поколения будет собачье...» [12, с. 27]. Однако Бунин продолжает верить в то, что лицо Авеля русской земли не уподобится лицу брата его Каина, поскольку издревле Авель был рядом с братом своим Каином и спасал его своим воскресением. (Примечательно, что образ Каина персонифицируется впоследствии в исторической фигуре Керенского («Каин России») / В этот день // Южное слово, 1919). И здесь Бунин близок Достоевскому, в частности его мысли о спасительной роли земли русской, однако роль эту Бунин видит несколько в ином ключе – спасение не в «народе-богоносце», но в том духовно-нравственном потенциале, который неизменно был и есть у русского человека и который во что бы то ни стало надо сохранить и преумножить в особенно трудные для этого времена. «Спасение в нас самих, в возврате к Божьему образу и подобию, надежда – на тех, которые этого образа не утрачивали даже в самые черные дни» [12, с. 27]. И здесь писатель

вновь формулирует спасительную миссию своего слова, которую будет непреклонно отстаивать вплоть до последних дней.

Надежду на спасение Бунин связывает и с добровольческой армией – действовать сообща, пусть и на разных фронтах, одним из которых в полной мере является публицистическое слово, действовать против того гнуснейшего и свирепейшего злодеяния, которое совершается среди бела дня в двадцатом столетии, в христианской Европе [12, с. 27].

В цикле «Заметки» Бунин намечает ряд проблем, ставших программными для всей его последующей публицистической деятельности. Обобщение и панорамное осмысление их осуществлено в одной из наиболее известных работ «Из "Великого дурмана"», представляющей собой отрывки лекции, дважды прочитанной Буниным в Одессе в 1919 году.

Впервые появившись в «Южном слове» (1919 г.), публикация была перепечатана в одесской газете «Родное слово» в 1920 г. Статья задавала ряд основных направлений мысли писателя более поздних лет, и потому именно ее следует считать точкой отчета в публицистике Бунина 1920-53 гг. Более того, второй из отрывков лекции был позднее опубликован в книге «Скорбь земли русской» (Сб. статей 1919 г. – Нью Йорк: Изд. инициативной группы «Народной газеты», 1920). Первый же отрывок Бунин перепечатал в берлинской газете «Руль» в 1921 г. (№ 56) под заглавием «Записная книжка», предварив его словами: «Ходит ветер и возвращается на круги свои...» ...Итак, снова торжественные заседания, высокие речи, декларации, резолюции – и все именем России, «именем народа»... «А там, во глубине России...» Снова пробегаю отрывки воспоминаний о лете и осени 1917 года, проведенных мною в деревне, среди подлинной, а не выдуманной народной жизни...» [12, с. 484]. Уже в этом вступлении обозначается одна из центральных линий всей работы – доказательства противоречия между словами деятелей революции и реальным положением вещей в стране, опирающиеся на знание Буниным подлинной жизни и сути народа.

В указанных публикациях писатель продолжает развивать мысль о том, что только христианская нравственность может служить залогом спасения России, в которой сейчас воцарились антихристианские устои и настроения. В качестве одного из показательных и чудовищных по своему размаху примеров, к которому писатель будет многократно возвращаться впоследствии, выступил исторический

эпизод массовой «казни» тысячи ни в чем не повинных людей за смерть председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого. Этот исторический факт как раз и явился тем показательным случаем, когда на зло в прямой противоположности христианским принципам отвечают несоразмерным злом – «теперь за убийство еще большим убийством ответим» (Толстой). Для Бунина очевидно, что безнравственность и антихристианская мораль определяют революционные деяния. «Красная газета», официальный орган Петросовета, писала: «Убит Урицкий. На единичный террор наших врагов мы должны ответить массовым террором... За смерть одного нашего борца должны поплатиться жизнью тысячи врагов» [29]. Позиция «непротивления злу насилием» ушла вместе с Толстым, но, по твердому убеждению Бунина, ушла не навсегда.

Толстого Бунин вспоминает вновь, но в связи с другой, появляющейся на страницах писателя темой. Он обращается к высказыванию классика о том, что «большинство людей – животные» и против этого животного в человеке надо всячески восставать. Такой реалистический взгляд Толстого особенно важен для Бунина при оценке русского крестьянина. «Если я прежде выделил русских мужиков как обладателей каких-то особых положительных качеств, то каюсь, каюсь и отрекаюсь», – приводит Бунин слова Толстого, сказанные в 1909 г. (Еще об итогах // Утро, 1922 г.) [12, с. 139]. В этом покаянии большая заслуга писателя, особенно в контексте той тотальной идеализации «простого мужика» в литературе, и шире, в кругах интеллигенции предреволюционного времени. Незнание народа, неправильная оценка и чрезмерная идеализация его качеств в ущерб здравому взгляду, по мнению Бунина, во многом и послужили причиной произошедших революционных событий. И литература сыграла здесь не последнюю роль. Бунин не раз отмечал эту непреходящую веру интеллигенции в «богоносца» и «христолюбивого простеца. Писатель неоднократно воссоздает фрагмент своего диалога с известным публицистом, одним из лидеров кадетской партии Ф.Ф. Кокошкиным: «В шестнадцатом году у нас с покойным Кокошкиным зашел как-то разговор о русском народе. Я не сказал ничего ужасного, но он все-таки вспылал и прервал меня со своей обычной корректностью, но на этот раз с необычной для него резкостью:

– Оставим этот разговор. Мне ваши взгляды на народ всегда казались – ну, извините, слишком исключительными, что ли...» (О пи-

сательских обязанностях // Огни, 1921 г.; и ранее «Из "Великого дурмана"» // Южное слово, 1919 г.) [12, с. 124].

Бунин подчеркивает, что Кокошкин впоследствии был зверски убитым матросами-анархистами в больнице в 1918 г., убит тем самым народом, в который он так верил [12, с. 491].

Во всеобщем насаждении этих несоизмеримых с реальностью иллюзий Бунин винит, прежде всего, литературу последних десятилетий, которая была, по его мнению, ужасна своей лживостью, вводила в заблуждение, как целенаправленно, так и по незнанию. Безусловно, Пушкин, Лермонтов и Толстой, по убеждению писателя, тоже были «не без греха», но они знали народ, поскольку жили с ним в непосредственной близости. А потом начался разрыв – пришла как раз несвобода (в противовес провозглашаемым всюду свободам), тенденциозность, полная зависимость от моды, направления своего журнала, идеологии, угрюмость и обиженность (Левитов, Решетников, Орфанов, Николай Успенский). Наступила эпоха кочующих из текста в текст литературных трафаретов, легенд о жестокостях крепостного права. К концу века пришло время литературщины, лживости и лубка. Регрессивное движение словесности привело к тому, что появились Горький, Скиталец. Тот Горький, который, по утверждению Бунина, в течение 20 лет не посетил не то что деревни, но даже и уездного города, но при этом постоянно писал на героический лад о русском народе, идеализировал и романтизировал его образ [12, с. 58]. Впоследствии Бунин не однажды упрекнет Горького в наигранности, лицемерии и не только в литературной сфере, но и в человеческой. В целом, как заключает писатель, о народе лгали по шаблону, в угоду традициям, и особенно врал литература – главный источник интеллигентских знаний [12, с. 58].

Однако не только литература, но и периодическая печать сыграла не последнюю роль в деле революции. Бунин неоднократно цитирует авторов ведущих советских изданий: «Власть народа», «Дело народа», «Воля народа», «Новая жизнь», «Новое слово», «Красная газета», наглядно демонстрируя полное несоответствие провозглашаемых социалистических лозунгов и реального положения вещей. Сам же Бунин знал о народе не понаслышке. Он долгое время жил с ним в непосредственной близости, и являлся свидетелем многочисленных примеров его спонтанной бессмысленной жестокости: «Помню, как осенью семнадцатого года мужики, разгромившие одну елецкую усадьбу, ощипали для потехи перья с живых павлинов и пустили их,

окровавленных, летать, метаться, тыкаться с пронзительными криками куда попало...», – вспоминает писатель [12, с. 33]. Эти свойства народа, считает художник, нельзя не брать в расчет.

Бунин воссоздает реалистически достоверные черты русского мужика, а не его литературный портрет, созданный по укоренившимся шаблонам: «чудо-богатырь», «богоносец», «христоролюбивый простец». Многочисленными примерами писатель подтверждает бессознательность, стихийную жестокость «простого русского мужика», неспособного понять подлинные идеалы социализма, пользующегося революцией для вымещения собственных обид. «Я тебе припомню... Как петуха зарезу, – дай срок!», – заявляет один из народных «героев» [12, с. 47].

Бунин убежден, что в подавляющей массе народ не образован, а потому не готов к глобальным государственным переменам, решению судеб страны. Однако парадокс ситуации, по мнению писателя, заключается в том, что на волю народа ссылается большинство политических вождей. Вот как эта ситуация воссоздана глазами деревенского старосты, представления которого, по Бунину, гораздо ближе к реальности, чем громогласные заявления революционных манифестов: «...будем учредительную думу собирать... когда где дорогу провесть, когда войну открыть, он <кандидат>, будто, у нас должен теперь спроситься. А разве мы знаем, где какая дорога нужна»... я отроду за Ельцом никогда не был... мы вон свою дорогу под горой двадцать лет дерьмом завалить не можем: как сойдемся – драка на три дня, потом три ведра водки слопаем и разойдемся, а буерак так и останется» [12, с. 47].

Писатель уверен, что не пришло еще время для революции, да и не революцией нужно менять сложившуюся ситуацию, потому что невозможно «посредством убийства осуществлять идеалы человеческого братства» (Толстой). Все еще Русь, а не Россия являет свое лицо миру, Русь дремучая, стихийная, жестокая. Русь, в лесах которой еще только каких-нибудь тридцать лет назад были обнаружены человеческие жертвоприношения [12, с. 67]. Бунин с твердой уверенностью говорит о том, что никакой сознательности в народе нет, и неоткуда ей взяться, несмотря на то, что многочисленные лозунги заявляют обратное [12, с. 56], а революционером-освободителем из народа в подавляющем большинстве случаев движет личный эгоистический интерес и затаенные обиды прошлого.

Писатель вспоминает, как народ испокон веков говорил о себе: «Из нас, как из древа, – и дубина и икона». Не знание этой истины и предопределил идеологический просчет русской интеллигенции, подстрекавшей народ к революции и желавшей видеть в нем только икону. Здесь Бунин поднимает еще одну чрезвычайно важную для своей публицистики проблему – тему вины и ответственности. А ответственна именно интеллигенция, ответственна литература и печать, поскольку народ в силу своей непросвещенности и неспособности абстрагироваться от личных интересов ответственности этой нести не может. В своих работах писатель неоднократно прорисовывает характерный портрет гегемона революции, который еще вчера «валялся на печи» [12, с. 63], а сегодня просвещает своих товарищей в гротескно-фантастическом, а вернее, фантасмагорическом стиле советских газет: «А Петроград весь под стеклянным потолком будет, так что ни дождь, ни град, ничто...» (Самогонка и шампанское // Руль, 1921 г.) [12, с. 107]. Зловещие последствия деятельности таких просветителей неисчислимы, однако виноват в них не столько сам народ, сколько его идеологи – та самая «дурманная мгла» [12, с. 63].

Безусловно, Бунин чувствует и собственную вину, более того, именно осознание собственной вины является тем спасительным источником, который охраняет человека от творящегося зла. Писатель последовательно проводит мысль о том, что к такому осознанию этого рано или поздно приходят многие выдающиеся личности: Толстой, который, клеймя общественные пороки, чувствовал, прежде всего, и свою вину: «Я – ничтожный, дрянной человек, говорил он в «Письме к Александру III» [12, с. 37]; Иван Грозный, говоривший «аз есмь зверь, но над зверьми и царствую!» [7, с. 51]. Подобные примеры Бунин неоднократно приводит в своих работах.

Главное для человека – осознание собственной вины, а, следовательно, и собственной ответственности. Для подтверждения этой мысли Бунин часто обращается к «нелюбимому» Достоевскому, романам «Бесы», «Братья Карамазовы». Напомним в этой связи духовное завещание Зосимы: «Одно тут спасение себе: возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской. Друг, да ведь это и вправду так, ибо чуть только сделаешь себя за все и за всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что оно так и есть в самом деле и что ты-то и есть за всех и за вся виноват. А скидывая свою же лень и свое бессилие на людей, кончишь тем, что гордости сатанинской приобщишься и на Бога возропщешь» [15, с. 290]. Слова Зосимы, так

же, как и приводимые выше слова Верховенского, пророчески воплотились в современной Бунину России. Осознание собственной вины – есть критерий христианской нравственности. И Бунин убежден в том, именно просвещение в русле христианской нравственности может спасти Россию и дать свободу русскому народу, в то время как революция ведет как раз к обратному – к тотальной несвободе. Именно эти цели должна ставить перед собой русская интеллигенция, литература и печать. «Чтобы положение народа стало лучше, надо, чтобы сами люди стали лучше», – вновь цитирует Бунин Толстого [12, с. 37].

Подобные размышления писателя стали причиной острой полемики на страницах печатных изданий (статья «Траур» в «Современном слове», многочисленные попытки «похоронить» писателя в «Одесских новостях» и др. [12, с. 483]), скрытые и явные обвинения в русофобии, ненависти к России. Бунин отвергает такого рода претензии в свой адрес, заявляя, что не является русофобом, равно как и англо- или германофобом, однако обстоятельства жизни избавили его от многочисленных иллюзий, присущих русской интеллигенции, знающей народ только по литературным источникам. Показательно, что писатель неоднократно в статьях разных лет приводит эпизод своего разговора с литературным критиком и историком русской литературы либерально-народнического направления А.М. Скабичевским, который признавался ему однажды «с идиотической радостью», что никогда за всю свою жизнь не видал ржаного поля [12, с. 56].

В 1920 г. Бунин печатается в ежедневной газете «Общее дело» под редакцией В.Л. Бурцева (статьи «О Горьком», «Красный гимн», «Пресловутая свинья», «Многогранность», «Ответ на анкету «Общего дела» по поводу трехлетия большевизма», «Несколько слов английскому писателю» (в рукописи «Мой ответ Герберту Уэллсу»), цикл статей под названием «Записная книжка», «Чехи и эсеры»), а также в общественно-политической и литературной газете «Свободные мысли» под редакцией И.М. Василевского (Не-буква). В последней Бунин публикует одну из своих известных работ, вызвавший широкий резонанс в печати, «Суп из человеческих пальцев» (Открытое письмо к редактору газеты «Таймс»), в которой выражает свой протест по поводу послания А.М. Горького английскому писателю Г. Уэллсу.

Фигура Горького, как уже отмечалась, неоднократно появляется в публицистике Бунина 1920-х гг. Можно с уверенностью сказать, что

пролетарский писатель стал одним из главных ее «антигероев». Его портреты всплывают в работах: «О Горьком», «Пресловутая свинья», «Многогранность», «Ответ на анкету «Общего дела» по поводу трехлетия большевизма», «Несколько слов английскому писателю» (в рукописи «Мой ответ Герберту Уэллсу»), «Суп из человеческих пальцев», «Записная книжка», «Об Эйфелевой башне» (Общее дело, 1921 г.), «Страна неограниченных возможностей» (Огни, 1921 г.), «Горький о большевиках» (Общее дело, 1922 г.), «Записная книжка» (Возрождение, 1926 г.), «Самородки» (Возрождение, 1927 г.), «Заметки» (Россия, 1927 г.), «Заметки» (Последние новости, 1929 г.), «Записная книжка» (Иллюстрированная Россия, 1930 г.) и ряде других публикаций.

Важно отметить, что образ Горького, равно как и реальные взаимоотношения Бунина с ним, претерпевает кардинальную трансформацию. В реальной жизни: от дружбы (хотя Бунин прямо говорит о том, что друзьями они никогда не были, несмотря на то, что в печати их именовали именно так [12, с. 410]), до непримиримого противостояния. Однако справедливости ради нужно отметить, что указанное противоборство исходило прежде всего от Бунина, который неоднократно провоцировал Горького в своих публицистических работах, именуя его то «людоедским царьком» («Несколько слов английскому писателю» (в рукописи «Мой ответ Герберту Уэллсу» // Общее дело, 1920), то «советским псалмовцем» («Об Эйфелевой башне» // Общее дело, 1921 г.), то «Смердяковым русской революции» («Горький о большевиках» // Общее дело, 1922. Здесь использована метафора Е.Н. Чирикова).

С особенным раздражением Бунин пишет о «двуличии» Горького, находя проявление такового в нынешней деятельности писателя. Так, от резко критических оценок революционных деятелей в своей «Новой жизни», где Горький именуется Лениным и его сподвижников авантюристами, которые ради собственных интересов готовы на самое постыдное предательство («Новая жизнь», 1918 г.), «советский» Горький переходит к безудержной хвале Ленину, Троцкому и ряду других известных идеологов революции («Коммунистический интернационал» № 1, 1919 г., а так же «Коммунистический интернационал» № 12, 1920 г.) [12, с. 493-494]. Напомним в этой связи, что с 1 мая 1917 года Горький начинает издавать газету «Новая жизнь», на страницах которой были представлены его размышления о свободе русского народа («Готовы ли мы к ней?»), призывы к овладению знаниями и пре-

одолению невежества, к занятиям творчеством и наукой, к сохранению культуры. Однако после Октябрьского переворота свободная пресса оказалась не нужной новой власти, и в июле 1918 года газета «Новая жизнь» была закрыта. Ставшие «несвоевременными» статьи Горького, его честные критические оценки событий первых послереволюционных лет в очередной раз увидели свет только 70 лет спустя, в 1988 году. Тем не менее, Бунин, быть может не во всем поддерживая Горького «прошлого», совершенно не приемлет его в настоящем. Нынешний пролетарский писатель становится для него фигурой во всех отношениях одиозной.

О «непонятной двойственности», как назвал ее Б. Соколов в заметке «Беседа с Горьким» (Свободные мысли, 1920 г.), Бунин размышляет и в статье «Многогранность», где говорит о том, что подобная двойственность непростительна прежде всего потому, что волею судеб, Горький имеет чрезвычайно большое влияние не только в литературных, но и в политических кругах России, что обуславливает его совершенно особую ответственность за происходящее, наравне с другими делает виновником творящегося зла. Эту мысль Бунин совершенно отчетливо формулирует в статье «Суп из человеческих пальцев (Открытое письмо к редактору газеты “Таймс”))». Как уже отмечалось, статья представляет собой ответную реакцию Бунина на письмо Горького к английскому писателю Г. Уэллсу, в котором советский писатель опровергает рассказ Уэллса о том, что какому-то англичанину в одной из коммунальных столовых Петрограда пришлось отведать суп с плавающими человеческими пальцами. «Поверьте, дорогой Уэллс, мы, русские, все-таки еще не дошли до каннибализма и, я уверен, не дойдем, несмотря на то, что высококультурные государства Запада весьма озабочены созданием для России таких условий, которые помогли бы скорейшему окончательному одичанию и вырождению русского народа» [12, с. 65], – отвечает Горький Уэллсу.

Именно эта фраза стала предметом строжайшей критики Бунина, который указывает Горькому на то, что такие условия («которые помогли бы скорейшему окончательному одичанию и вырождению русского народа») уже созданы в России, причем не без участия самого Горького, который своими произведениями укреплял в сознании читателей романтические идеалы, далекие от реальной жизни. По словам Бунина, людоедство, увы, не «мрачная глупость», как утверждает в своем письме Горький, а современные реалии России, где от

неописуемого «пещерного» голода китайцы в Петрограде из-под полы торгуют человеческим мясом. Впоследствии слухи о людоедстве во время голода 1919-22 гг. были документально подтверждены [12, с. 495].

Продолжая размышления о нестыковке слова и дела в советской России Бунин неоднократно обращается к пролетарской печати, цитируя наиболее характерные по стилю и содержанию издания. Писатель отмечает пошлость, лубок, непреодолимую скуку газет, ведущих статистику несметных убийств и низостей, печатающих бесконечные декреты и лозунги – все то «кошмарное блудословие» [12, с. 74], которое только и необходимо идеологам новой власти. К примеру, о «Петроградской правде» говорится как о «паскудном трафарете, из выпуска к выпуску воспроизводящем лишь «осточертевший жаргон» и «заборную глупость» [12, с. 73]. И при этом в каждой номере печатаются бесконечные лозунги, призывы, на фоне все той же гнусной и жуткой российской действительности.

Печать, по мнению Бунина, находится на грани абсурда, который вовсе не воспринимается как таковой затуманенным пропагандой советским сознанием. Так, в статье с провокационным названием «Пресловутая свинья» Бунин, делая обзор все той же «Петроградской правды», обращает внимание на объявление об Абитур-бале в зале Пролеткульта, где «товарищ Колорада изобразит лай собаки, визг цыпленка, пение соловья и других животных вплоть до пресловутой свиньи...» [12, с. 73] (курсив Бунина). Здесь, по мнению Бунина, содержательная глупость достигает своей кульминационной точки, сопровождаясь, помимо прочего, еще и безграмотным письмом, нарушением элементарных правил русского языка.

Цель советских газет, по убеждению писателя, состоит во лжи, скандалах, извращении фактов, создании видимости бурной деятельности («Ответ на анкету «Общего дела» по поводу трехлетия большевизма» // Общее дело, 1920 г.; «Большие пузыри» // Возрождение, 1927 г. и мн. др.). Гротескно, саркастически едко изображает Бунин абсурдность советских плакатов и нового искусства («Записная книжка» // Общее дело, 1920 г.). Однако, по убеждению писателя, еще большая угроза кроется в том, что идеологически закрепошенная печать транслирует необходимый ей образ России на весь мир.

Своеобразным «визуальным» лейтмотивом в публицистических работах писателя становится напечатанная в английском журнале картинка: маленький коттедж, утопающий в снегу, и идущая к нему

девочка, в хорошенькой шубке и со связкой учебников в руке [12, с. 103]. Коттедж этот символизировал школу, а девочка – ученицу с именем «Петровна!», как гласила подпись под картинкой. Единственное, что, по словам писателя, имело отношение к русской действительности здесь – это снег на заднем плане репродукции.

Ряд повторяющихся в публицистике Бунина изображений благополучной жизни нового строя продолжает картинка с первой страницы советского литературно-художественного и сатирического журнала «Прожектор»: «Огромное дерево, за ним озеро, под ним гуляет товарищ, одетый как бы для тенниса, вдали девица в хорошеньком белом платье собирает цветочки. Это Горки, «любимое место отдыха московских рабочих, где в свое время любил отдыхать Ильич». <...> Затем – собрание крестьян, сидящих кружком и что-то читающих; просто и прекрасно одеты и обуты в кожаные сандалии крестьянки, несущие корзины с ягодами; благообразная старушка, с трубкой возле уха, слушающая радиоконцерт; мужичок в шведской куртке, едущий на тракторе...» («Российская человечина» // Возрождение, 1925 г.) [12, с. 175].

Эти картинки и есть визуализация того, о чем пишет и говорит советская печать и литература. Именно эти иллюстрации отображают складывающееся в результате массовой пропаганды представления о советской действительности за рубежом. Нечто подобное было и в самой стране Советов, недалеко ушедшей от «Петровны». Так преломляется в газетах неприглядная российская жизнь. Этот процесс писатель сравнил с магическим превращением пошлейшей самогонки в благородное шампанское [12, с. 107]. И среди всей этой фальши вновь рисуется фигура Горького, «не закрывающего глаза на отрицательные явления» [12, с. 74]. Бунин неустанно повторяет, что Россия под руководством большевиков, вдохновляемая, в том числе, и Горьким, опозорила все человечество, а теперь поучает стремящуюся ее «задушить» Европу, требуя при этом невмешательства запада.

Вопрос о невмешательстве запада в дела России Бунин ставит особенно остро, порицая с одной стороны призывы советских властей к данному невмешательству, а с другой, совершенно некритичное, а порой и позитивное отношение со стороны западных политиков и иных, имеющих особое влияние лиц. И в первую очередь это касается представителей литературного сообщества.

Целый ряд публикаций Бунина представляет собой обращение к известным зарубежным писателям-современникам. В частности, ра-

бота «Несколько слов английскому писателю» (в рукописи «Мой ответ Герберту Уэллсу») – это не что иное, как ответ Бунина на публикацию очерков Уэллса о России в английской газете «Sunday express» в октябре-ноябре 1920 г. Уэллс приветствовал большевистскую революцию и считал, что Россия должна сама решать свои проблемы, без иностранной интервенции. Очерки Уэллса вызвали большой общественный резонанс, наряду с Буниным свои «ответы» Уэллсу написали У. Черчилль (Mr. Wells and Bolshevism” // Sunday Express, 1920), Д.С. Мережковский (Письмо Уэллсу // Свобода, Варшава, 1920 г.), А.В. Амфитеатров (Горестные заметы // Новая русская жизнь, Гельсингфорс, 1921 г.). В своей статье Бунин продолжает полемику, начатую в публикации «Суп из человеческих пальцев». Позднее, в цикле «Записная книжка», Бунин, развивая данную тему, публикует свой комментарий статистической подборки М.В. Вишняка об ужасах, царящих в России, где смертность за последние несколько лет в 6 раз превысила рождаемость, а через 10 лет правления советского режима из 150 останется не больше 20 миллионов человек. Зато не будет расхищения России по кускам иностранными интервентами, парирует Бунин, приводя при этом цитату Горького, напечатанную в «Красной газете»: «Мы желаем научить весь мир новому порядку и новому укладу жизни», и далее: «И как прекрасно это «мы» в устах «не коммуниста», как недавно аттестовал Горького Уэллс» [12, с. 93].

Позднее, в 1928 г., во французской газете «L’Avenir» Бунин, присоединяясь к аналогичному письму К. Бальмонта, печатает свое «Обращение к Ромену Роллану». Открытые письма русских писателей стали ответом на приветствие Р. Роллана в связи с 10-й годовщиной Октябрьской революции, которую французский писатель именует «величайшей датой в истории человеческого общества» [12, с. 576]. «Может быть мои слова дойдут до Ромена Роллана вместе со словами других русских писателей-эмигрантов, – выражает надежду Бунин, – они заставят его серьезно задуматься над тем, что происходит на русской земле вот уже десять лет» [12, с. 264]. Таким образом, тема иностранного невмешательства в дела России рассматривается Буниным в контексте искаженных прессой и литературой представлений иностранцев о Москве, подпитанных сознательной пропагандистской шумихой относительно внешнего воздействия на ситуацию в молодой стране Советов.

Одной из наиболее частотных в публицистике Бунина становится тема новой орфографии, в большинстве случаев именуемой писа-

телем «заборным правописанием». Вопрос о языке поднимается такие работы, как «Суп из человеческих пальцев» (Свободные мысли, 1920 г.), «Ответ на анкету «Общего дела» по поводу трехлетия большевизма» (Общее дело, 1920 г.), «Инония и Китеж» (Возрождение, 1925 г.), «Своими путями» (Возрождение, 1926 г.), «О новой орфографии: Письмо в редакцию» (Возрождение, 1926 г.), «К воспоминаниям о Толстом» (Возрождение, 1926 г.), «Записи» (о Семеновых-Тянь-Шанских и А.П. Бунине // Последние новости, 1932 г.) и ряде других работ. Введенной большевиками орфографии Бунин не принимал и категорически отказывался печатать свои работы по новым правилам. Поднимая вопросы орфографии, писатель неизменно говорит о том, что язык новой России «похабен» и пошл, под стать тем, кто его создает [12, с. 78].

С темой языка, безусловно, перекликается и тема литературы. Однако непосредственно к литературной проблематике Бунин обращается лишь во второй половине 1920-х годов. Делая многочисленные обзоры художественных произведений советских писателей, Бунин в большинстве случаев придерживается резко критической оценки их творчества. Следуя четко поставленной им оппозиции: литература прошлого – литература современности, писатель нередко замечает лишь отрицательные явления, резко и однозначно критикуя, наряду с малоизвестными таких авторов, как А. Блок, А. Белый, С. Есенин, И. Бабель, В. Маяковский, Б. Пастернак, М. Цветаева, Ф. Сологуб, В. Брюсов, соотнося их творчество с советской реальностью и нередко рассматривая в качестве порождения и утверждения этой реальности.

Отчетливую линию демаркации между литературным прошлым и современностью Бунин проводит в статье, написанной к столетию со дня смерти графа А.К. Толстого, «Инония и Китеж» (Возрождение, 1925 г.). Автор уверен, что писатели прошлого были хранителями традиций, утверждали в своем творчестве связь поколений, умеренный консерватизм, религиозность, красоту, созидание, устойчивые языковые традиции, обогащая все это, а не разрушая. Литература современная с ее «заборной» орфографией, представляется Бунину оторванностью от корней, разрушившей традиций, осквернившей былые ценности.

Прибегая к метафорическому определению, художник изображает литературу последних лет в образе бродячей кибитки, потерявшей в степи и не ведающей ни начала, ни конца своего пути [12, с.

164]. Разорвана связь поколений (Есенин – Иван Непомнящий [12, с. 168]), на первое место в современном искусстве выходят хвостовство, «сделанность» и мастеровщина – а по сути невежество, незнание традиций, разрушение исконных культурных ценностей. В подтверждение своим словам писатель приводит многочисленные цитаты из произведений Есенина, Бабеля, Пильняка, Эренбурга, которые, вырванные из контекста, звучат нелепо. Основными чертами современной литературы Бунин считает неистовый пафос, непотребство, «азиатский деспотизм» [12, с. 161] и тенденциозность. Подчеркивая статус мастера слова, художник утверждает, что именно упадок в литературе последних лет предшествовал падению России. При этом важно отметить, что Бунин выступает отнюдь не только в роли судии, но вновь и вновь возвращается к теме собственной вины и ответственности за случившееся.

Размышляя о современной советской литературе в публикации «Записная книжка» (Иллюстрированная Россия, 1930), писатель выделяет [12, с. 323] 4 литературные эпохи, сменившие друг друга за последний год:

1) старое время, к которому принадлежали Толстой, Григорович, Жемчужников;

2) народники (редакция литературного и научного журнала, издававшегося в Санкт-Петербурге с 1876 по 1918 год «Русское богатство»: Г.И. Успенский, Н.Н. Златовратский и другие);

3) стоящие особняком в литературе А.И. Эртель, А.П. Чехов, которым Бунин посвятит отдельные статьи;

4) модернисты, служители «новой красоты» и «новой России», преступающие, по словам Мережковского, все законы и нарушающие все черты [12, с. 323].

Говоря о представителях новой литературы, Бунин с характерным для него мастерством воспроизводит портрет типичного символиста: «Москву первым поразил Емельянов-Коханский. Это был рослый, плотный малый, рыжий, в веснушках, с очень неглупым и наглым лицом. Выпустил в один прекрасный день книгу своих стихов, а затем самолично появился на Тверском бульваре: в подштанниках, в бурке и папахе, в чёрных очках и с длинными собачьими когтями, привязанными к пальцам правой руки. Конечно, его сейчас же убрали с бульвара, увели в полицию, но всё равно: дело было сделано, слава первого русского символиста прогремела по всей Москве» [12, с. 304]. Затем, по словам Бунина, деятель современного искусства «доб-

ровольно сошёл со сцены: женился на купеческой дочери и сказал: «Довольно дурака валять!» [12, с. 325]. Тем не менее «дуракаваляние» этим отнюдь не ограничилось, получив развитие в творчестве более поздних и более именитых авторов: «Мне думается, что он даже имел на начинающего Брюсова значительное влияние», – не преминул подчеркнуть автор [12, с. 325].

Деятельность символистов, этих «магов», «аргонавтов» [12, с. 312], в большинстве случаев рассматривается Буниным в ироничном ключе. Воссоздавая портреты наиболее известных представителей, писатель, помимо критики творчества, прорисовывает и непосредственно человеческие черты, не всегда приятные: честолюбие, ущемленное социальными обстоятельствами самолюбие, стремление к быстрой и легкой славе, и, как следствие, эпатаж в литературе, за которым часто ничего не стоит, только скупость и мелочность.

Вспоминая начало своего творческого пути и таких заслуженных литераторов старого времени, как Жемчужников, Григорович, Бунин неоднократно говорит об отсутствии у них непомерно раздутого самолюбия, самолюбования, указывает на дружескую манеру и простоту обращения с молодыми начинающими авторами, каковым был и сам Бунин в то время. Сегодня же все иначе, теперь «Мы» или «Я» стоят во главе мира, и писатель ради собственных удовольствий или порожденных больным самолюбием фантазий готов на самые нелицеприятные поступки. Так, среди прочих литературных портретов, писатель в нескольких характерных чертах воссоздает образ В. Хлебникова, которого, по словам самого Бунина, в то время именовали «гением», и который в благодарность за предоставленные ему кров и средства к существованию, чуть не убил своего благодетеля, мотивируя это тем, что смерть последнего должна была послужить жертвой за избрание самого Хлебникова Председателем Земного Шара («Из книги “Серп и молот”» // Последние новости, 1931 г.) [12, с. 351-252]. Схожая ситуация воссоздается Буниным и применительно к фигуре Николая Успенского, в благодарность за гостеприимство обесчестившего дочь своих хозяев, обругавшего последними словами Тургенева за подаренное имение, и в итоге среди бела дня перерезавшего себе горло бритвой на Кузнецком мосту. При этом Бунин неоднократно отмечает, что все эти люди были наделены от природы большим художественным талантом. Однако та самая загадка «русской души», над которой так много размышлял писатель еще в начале своего творческого пути, привела их к столь ужасному концу.

Парадоксальное несоответствие недюжинного художественного таланта и маргинального образа жизни обусловлено по Бунину сочетанием в русском человеке крайне противоречивых сторон. «Россия – страна крайностей», – неоднократно повторяет писатель, и поэтому в ней еще долго будет властвовать несвобода, которая проявляется в двух своих ипостасях, одинаковых по сути, но противоположных по проявлению – или рабы или анархисты. В русской действительности все чересчур – крайности в жизни: от богемы до подзаборного пьянства и белой горячки, в припадках которой вешаются и режутся на Руси, и в то же время надрывы и чрезмерность в литературе («Страна неограниченных возможностей» // Огни, 1921 г.). Последнее относится как к декадентам, так и к реалистам, и здесь Бунин вновь говорит о Горьком, в частности, неоднократно обращается к его «Песне о Соколе» («Записная книжка» // Иллюстрированная Россия, 1930 г.), которая, по мнению писателя, есть не что иное, как надрыв и гротескное обобщение: «Пришел <...> Горький с лубочной ахинеей о каком-то уже, который “вполз высоко в горы и лег там», – и буквально ошеломил всю Россию этим ужом» [12, с. 118].

Совершенно естественным в «стране неограниченных возможностей» оказался феномен Есенина, к фигуре которого Бунин неоднократно обращается в своей публицистике («Страна неограниченных возможностей» // Огни, 1921 г.; «Инония и Китеж» // Возрождение, 1925; «Версты» // Возрождение, 1926 г.; «Самородки» // Возрождение, 1926 г.; «Босоножка» // Иллюстрированная Россия, 1936 г. и ряде других работ). Именно в его творчестве, равно как и в его жизни, чрезмерность и неограниченность достигли своего апогея. Как и в предшествующих случаях, отдавая должное его таланту, Бунин говорит о том, что талант этот был растрочен впустую. Его «сердцещипательная нарочито-разухабистая лирика» [12, с. 219], равно как и творчество других «самородков», оказались как нельзя более полезны большевикам, так как вносили сумятицу и «безобразие» в русскую литературу.

В статье «Самородки» Бунин приводит цитаты из книги А. Мариенгофа о Есенине «Роман без вранья», рассматривая последнюю в качестве ценнейшего исторического документа. Цитируя слова Есенина, отмеченные в «романе», Бунин вновь демонстрирует то парадоксальное сочетание художественного таланта и человеческой низости, благодаря которому жулики, так часто маскируются под самородков: «Так, с бухты-барахты, не след идти в русскую литературу.

Искусную надо вести игру и тончайшую политику. Трудно тебе будет, Толя, в лаковых ботиночках. Разве можно без поэтической рассеянности? Разве витают под облаками в брючках из-под утюга! Кто этому поверит? <...> А еще очень невредно прикинуться дурачком. Шибко у нас дурачка любят. Да и вообще каждому надо доставить свое удовольствие. Знаешь, как я на Парнас восходил? Тут, брат, дело надо было вести хитро. Восходил в поддевке, в рубашке, расшитой, как полотенце <...> Один говорит, что это его, Есенина, в литературу ввел Городецкий <...> четвертый – что это Мережковский, Гиппиусиха, Блок... А я со всеми соглашаюсь: ввел, ввел... Все на меня в лорнеты, – «ах, как замечательно, ах, как гениально!» – А я краснею, как девушка, никому в глаза не гляжу от робости...» [12, с. 258]. Однако и здесь Бунин вновь приходит к выводу о том, что дело не столько в Есениных, которые «на тысячу лет старше большевистской власти» [12, с. 255], и которые уже неоднократно повторялись в истории, а в нашем отношении к ним, в том, что мы сами, еще так недалеко ушедшие от порабащающих душу русского человека крайностей, делаем Есениных «героями своего времени».

Особое место в публицистике Бунина на литературные темы отводится и фигуре А. Блока, наряду с Горьким сыгравшего в деле русской революции далеко не последнюю роль. Писатель неоднократно подчеркивает нарочитую театральность его поэмы «Двенадцать», с неизменными атрибутами революционного лицедейства: сборища, «пламенные» речи, баррикады, освобождение из тюрем воров. «И так во всем. Разврат, пьянство, безделие, нервическая гниль – это все у нас “проблемы”, “надрывы”, “пролеты в вечность” <...> Обыденнейшее, хотя и гнуснейшее хулиганство, убийство уличной девки ватагой каторжников и ярыг – предмет мистической поэмы, и мы, в наши окаянные дни, занимаемся тем, что спорим устно и печатно: впрямь ли убийцы и ярыги “апостолы” или все-таки не совсем? Михрютка, ни с того ни с сего дробящий дубиной венецианское зеркало, у нас непременно “гунн”, “скиф” <...>, и мы утешаемся, налепив на него этот книжный ярлык» [12, с. 119].

Тема наигранности, фальши, искусственности, «сделанности» постоянно звучит в публицистике Бунина. Революция в его восприятии есть не что иное, как кровавое лицедейство, и одна из главнейших ее характеристик – черта отвратительной театральщины [12, с. 34]. Спектакль этот в свою очередь поддерживает и раздувает печать, без которой он был бы немыслим.

Устойчивое критическое отношение Бунина к писателям советской России поддерживалась и другой, создаваемой, в том числе и в зарубежной публицистике, оппозицией нового и отжившего в литературе. «Новые пути» литературы были, как правило, ознаменованы творчеством молодых и перспективных советских писателей (Бабель, Пильняк, Пастернак, В. Иванов и др.), в то время как характеристики «окаменелость» и «реакционизм» закрепились за литературой русской эмиграции. Писателей-эмигрантов неоднократно именовали в печати «мертвецами», «отжившим поколением», «ретроградами» («Голос из гроба» // Последние новости, 1924 г.; «Маскарад мертвецов» // Правда, 1924 г.; «Вне жизни и вне времени» // Русская зарубежная и художественная литература, 1925 г. и др.). Безусловно, Бунин постоянно восставал против подобных обвинений, утверждая, что большая их часть есть сознательная клевета. В свою защиту писатель неоднократно приводит замечания о том, что реакционерами в свое время именовались Гете, Шиллер, Андре Шенье, В. Скотт, Державин, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Ключевский и даже «не раз угождавший молодежи» Тургенев [12, с. 146]. Мертвецами, отжившим поколением, ретроградами называли Гончарова, Лескова, Тютчева, Чехова, в то время как революционеры (Чернышевский, Златовратский, Надсон, Скиталец, Короленко, Горький) были превознесены. Теперь же в реакционеры записаны Бунин, Куприн, Шмелев, Мережковский, Гиппиус (Литературные заметки // Слово, 1922 г.; Записная книжка // Возрождение, 1926 г.), для преодоления «эмигрантской окаменелости» которых, как писали «Последние новости» от 30 октября 1925 г., необходимо «постоянное общение с Россией [12, с. 177]. Подобные обвинения Бунин воспринимал особенно болезненно, в связи с чем показательны, что отстаивая свои позиции в журнальной полемике 1925 года, он впервые прямо, с невыразимой болью говорит о своей тоске по Родине: «Но могила эта отделяет и вечно будет отделять меня вовсе не от России. Из-за России-то и вся мука, вся ненависть моя. Иначе чего бы мне сидеть в Приморских Альпах, в Париже? Я бы и в земляные работы не стал бы играть. А просто, без всяких разговоров, махнул бы через ров в российскую “человечину”» [12, с. 177].

Тем не менее, не в одних только мрачных тонах видится Бунину литература современности, многим писателям дается положительная оценка. Среди них Иван Савин (Саволайнен), молодой поэт и белый воин [12, с. 383], воспевавший красоту и самобытность прежней пра-

вославленной Руси («Наш поэт», «Памяти Ивана Савина»); писатель и публицист И.Ф. Наживин, который, многое испытав и осмыслив, перестал быть социалистом и революционером, а стал конституционным монархистом (позиция близкая самому Бунину). Книгу последнего «Что же нам делать?» Бунин приветствует в своей «Заметки» (Южное слово, 1919 г.), провоцируя тем самым острую полемику в одесской печати. Положительно Бунин отзывается о книгах А. Ветлугина «Авантюристы гражданской войны» и Дона-Аминадо (Аминад Петрович Шполянский) «Дым без отечества» (Дым без отечества // Общее дело, 1921 г., а также: Дон-Аминадо «Наша маленькая жизнь» // Современные записки, 1927 г.). Отдельные статьи посвящены творчеству Леонида Зурова (Леонид Зуров // Россия и славянство, 1929 г.), М.А. Волошина (О Волошине // Последние новости, 1932 г.), А.И. Куприна (А.И. Куприн // Последние новости, 1937 г.; Перечитывая Куприна // Современные записки, 1938 г. и др.).

Особняком в публицистике Бунина стоят такие писатели, как А.И. Эртель, А.П. Чехов. В статье «Эртель» (Последние новости, 1929 г.) Бунин дает положительную оценку творчеству писателя, отмечает его понимание народа и подлинной русской жизни, его здравый смысл и серьезное отношение к делу, в том числе к делу литературы. Результатом такого подхода становится удивительный по знанию народного быта, по силе и разнообразию русского языка роман «Гарденины», получивший в свое время высокую оценку Л.Н. Толстого. Эртель осуждает русскую интеллигенцию с практической точки зрения, говорит о ее чрезмерной нервической раздраженности, о слишком лиричном отношении к вещам, и это при полном отсутствии понимания исторической действительности – позиция эта во многом коррелирует со взглядами самого Бунина. Воспоминания о Чехове, с которым Бунин поддерживал многолетнюю дружбу, были особенно дороги писателю. Важно отметить, что воссоздавая портреты этих писателей, Бунин особенно подчеркивает их положительные человеческие качества: благородство, аккуратность во всем, отсутствие честолюбия и большого самолюбия, жизнерадостность, серьезное отношение к творчеству, напряженный внутренний поиск, ненависть к пафосу, бессмысленному эпатажу, «высоким словам». И это не случайно, поскольку по твердому убеждению Бунина, именно человеческие качества в купе с недюжинным талантом (а не мастеровщиной) могут быть залогом подлинной литературы.

В работах «Чехов» (Последние новости, 1928 г.), «О Чехове» (Последние новости, 1929 г.) Бунин с присущим ему мастеровым создает живой портрет писателя. Следует отметить особые приемы, используемые автором, – художественная зарисовка, фрагмент. Они позволяют воспроизвести воспоминания о событиях прошлых лет, день 17 октября 1905 года, когда писатель в последний раз гостил в опустевшем, бесконечно грустном ялтинском доме Чехова, и когда впервые донеслась до него страшная весть о революции: «Эта печальная и однообразная жизнь моя в доме Чехова в 1905 году была однажды нарушена криком в телефон одной ялтинской дамы, что в России революция, всеобщая забастовка, остановились все железные дороги, не действуют телеграф и почта...» [12, с. 465] (К моим воспоминаниям // Новое русское слово, 1953 г.). К этому переломному эпизоду своей жизни Бунин неоднократно возвращается в статьях, вплоть до самой последней работы «К моим воспоминаниям», написанной в мае 1953 года, за несколько месяцев до смерти.

В поздних публицистических работах писатель все чаще обращается к воспоминаниям о Чехове, а в последние годы жизни приступает к книге мемуаров о нем, которая так и осталась незавершённой и была издана В.Н. Муромцевой уже после смерти мужа. Даже в свои последние часы Бунин не забывает о Чехове и просит почитать вслух его письма.

В годы второй мировой войны Бунин фактически замолкает. Будучи во всем личностью независимой и свободной, писатель отвергает какие бы то ни было предложения публиковаться в прогерманских изданиях [12, с. 16]. С 1946 года публицистическую деятельность возобновляется. Писатель сотрудничает с изданиями «Русские новости», «Советский патриот» и особенно с газетой «Новое русское слово», главным редактором которой был известный русский литератор, деятель эмиграции, журналист, критик, личный секретарь и друг Бунина Андрей Седых. Публицистика данного периода обусловлена той сложной двойственной ситуацией, в которую попадает писатель в последние годы своей жизни. По словам многих свидетелей в послевоенное время Бунин уже не был столь непреклонным противником советского режима, как десять или двадцать лет ранее [12, с. 17]. Большая история шла мимо, и само время вносило свои коррективы.

Бунин положительно воспринял вышедший в июне 1946 года в Советском Союзе указ «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших со-

ветское гражданство, проживающих на территории Франции». В своем интервью корреспонденту «Русских новостей» писатель, отвечая на вопрос об отношении к указу, заметил, что надеется на распространение этой «великодушной меры» и на другие страны, где живут эмигранты. Однако это краткое, сдержанное замечание Бунина было впоследствии искажено и непомерно раздуто в печати («Советский патриот», 1946 г.) как доказательство связей Бунина с Москвой и большевиками. «Меня просто на удивление, дико оболгали», – возмущался писатель в своем письме М.А. Алданову («Письмо в редакцию» // Советский патриот, 1946 г.).

После того, как руководство Союза русских писателей и журналистов в Париже исключило из своих членов всех, кто принял советское подданство, Бунин в знак солидарности с исключенными вышел из его состава. В результате чего, большая часть эмиграции отвернулась от него, как от «отступника», и в числе прочих были такие близкие писателю люди, как Б.К. Зайцев, М.С. Цетлина и др. [12, с. 17]. В итоге, одинокий, лишенный возможности работать, Бунин, по верному замечанию О.Н. Михайлова [12, с. 18], «оказывается между двумя огнями»: большая часть известных эмигрантов отстраняется от него, поспешив зачислить в лагерь большевиков, в то время как о сближении с Москвой, равно как и о возвращении в Россию не могло быть и речи.

Бунин особенно болезненно воспринимает подобные обвинения, и до последних дней остается верен своей миссии, четко сформулированной еще в 1924 году в речи, произнесенной в Париже и затем опубликованной в газете «Руль». Обозначая основные цели и направления своей деятельности в статье «Миссия русской эмиграции», писатель одновременно обобщает и подытоживает мысли, звучавшие на страницах его публицистических работ:

1. Бороться за вечные, Богом данные, законы человеческого существования, причем не только в России, но и во всем мире. На страницах своих публицистических работ писатель неоднократно говорил о том, что революция есть проблема всемирная, всечеловеческая. Подтверждением этому служат многочисленные статьи, посвященные размышлениям о Великой французской революции («Андре Шенье» // Возрождение, 1926 г.; «Камилл Демуллен» // Возрождение, 1926 г.; «Человек, который умер от страха» // Возрождение, 1926 г. и ряд других работ), а также постоянные параллели с событиями, уже неоднократно имевшими место в российской истории: «Емелька и

Стенька, мятежи которых, слава Богу, даже уже начали ставить в параллель с тем, что совершается, все еще не осмеливаясь, однако, делать из этого должных выводов» [12, с. 53]. Лишая революцию временных и пространственных границ, писатель тем самым возводит ее в ранг величайшего человеческого злодеяния.

2. Действовать от имени человека, созданного по образу и подобию Божьему. Бунин оценивает исторические события, прежде всего, с точки зрения человеческого принципа, а человеческий принцип у писателя равен божественному, религиозному (не политическому). Именно этим обусловлены многочисленные религиозные мотивы и библейские отсылки в публицистике писателя. В этом, по его мнению, спасение России и русского человека, с этим связана надежда на воскресение, неоднократно звучащая в конце самых мрачных публикаций, в том числе отмеченная и в «Миссии русской эмиграции»: «Но знает Господь, что творит <...> Ибо там гроб Христовой России. И только ей одной поклонюсь я, в день, когда Ангел отвалит камень от гроба ее» [12, с. 154].

3. Выступать от имени прежней (истинной) России. Следовать традициям как в социально-политическом, религиозном ее устройстве (монархия и православие), так и в литературе (не терять наследия Пушкина, Толстого и других создателей русской культуры). И как следствие, безусловно, неприятие революционной и современной ленинской России, «новых путей», «наносных» направлений в литературе. Бунин неоднократно приводит примеры того, что ничего принципиально нового не происходит в истории, основной закон которой – повторяемость: «Меняются формы, но не сущность», – вспоминает он слова Толстого («Еще об итогах» (Утро, 1922 г.). А потому особенно важно не уничтожать, но обогащать накопленный опыт. Данной проблеме посвящено большое количество публицистических работ: «Инония и Китеж» (Возрождение, 1925 г.), «К воспоминаниям о Толстом», «Думая о Пушкине» (Возрождение, 1926 г.), «На поучение молодым писателям» (Последние новости, 1928 г.), «Записная книжка» (Иллюстрированная Россия, 1930 г.) и др.

4. Не молчать. Самое ужасное, по мнению Бунина, заключается в том, что совершающиеся в России злодеяния на страницах литературы и периодической печати, коим дана большая власть над умами и душами людей, превращаются в благородные деяния во имя народа, во имя светлого будущего. Неприглядная действительность маскируется высокими словами и громкими лозунгами, растворяется в поли-

тической риторике и «литературных пошлостях» [12, с. 154]. В связи с чем Бунин одной из главных задач своей деятельности, в том числе и публицистической, ставит воссоздание исторической правды, какой бы горькой и страшной она ни была. «Не могу говорить», – восклицает он в одноименной статье, но говорить и писать как никогда важно.

5. Не сдаваться, выдерживать свою линию до конца. Оставаться верным заповедям, не поддаваться, не отрекаться от Господа, несмотря на то, что многие уже отrekliсь.

Последний пункт стал причиной множества испытаний, постигших Бунина в конце жизненного пути, связанных с травлей писателя, развернувшейся на страницах печатных изданий 1940 – 50-х гг. Тем не менее, Бунин последовательно и принципиально держит свою линию до конца, линию неприятия большевизма и борьбы с ним. И именно эта, определившая направление всей эмигрантской публицистики Бунина задача, нашла столь удачное отражение в словах другого нобелевского лауреата Андре Жида: «Бунин вправе думать, что <...> благородством своего изгнания он, так же, как и своим творчеством, спас душу своей Родины и русского народа» [17, с. 198].

Вопросы и задания

1. Как в «Интервью сотруднику «Одесского листка» Бунин оценивает ситуацию в революционной Москве и современной литературе?
2. Какие темы заданы в статье Бунина «Не могу молчать»?
3. Прочитайте речь Бунина «Миссия русской эмиграции». Какие художественные средства использованы автором для раскрытия общественно-политической проблематики? В чем, по мнению писателя, состоит миссия белой эмиграции?
4. Подготовьте сообщение на тему: «Бунин в газете «Южное слово».
5. Подготовьте реферат на тему: «Имя Горького в публицистике Бунина 1920-х годов».
6. Каково мнение Бунина о советской печати? В чем писатель видит ее основные недостатки?
7. Чем объясняются многочисленные обращения Бунина-публициста к зарубежным писателям?
8. Какая идейная оппозиция выстраивается в работах Бунина, посвященных советской литературе?
9. Как оценивается Буниным творчество А. Блока и С. Есенина?
10. Каким рисуется образ А.П. Чехова в публицистике Бунина?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алданов, М.И. И.А. Бунин. Освобождение Толстого. YMCA-Press. Париж, 1937 / М.И. Алданов // Современные записки. – 1937. – № 69. – С. 464-467.
2. Бакунцев, А.В. И.А. Бунин на страницах одесской печати в годы Гражданской войны / А. Бакунцев // Вестник МУ. Сер. 10. Журналистика. – 2014. – № 5. – С. 55-71.
3. Бунин, И.А. Записная книжка / И.А. Бунин // Руль. – 1921. – № 56 (23 января). – С. 2.
4. Бунин, И.А. Несрочная весна / И.А. Бунин // Современные записки. – 1924. – № 18. – С. 18.
5. Бунин, И.А. О Толстом / И.А. Бунин // Современные записки. – 1927. – № 32. – С. 6-18.
6. Бунин, И.А. Дон-Аминадо «Наша маленькая жизнь» / И.А. Бунин // Современные записки. – 1927. – № 33. – С. 520.
7. Бунин, И.А. Освобождение Толстого (отрывки из книги) / И.А. Бунин // Современные записки. – 1937. – № 63. – С. 247.
8. Бунин, И.А. Перечитывая Куприна / И.А. Бунин // Современные записки. – 1937. – № 67. – С. 310-316
9. Бунин, И.А. Собр. соч.: в 9 т. / И.А. Бунин. – М.: Худож. лит-ра, 1965-1968. – Т. 9.
10. Бунин, И. Лишь слову жизнь дана / И.А. Бунин; сост., вступ. ст. и прим. О.Н. Михайлова. – М.: Советская Россия, 1990. – 368 с.
11. Бунин, И.А. Великий дурман / И.А. Бунин; сост., вступ. ст. и примеч. О.Б. Василевской. – М.: Совершенно секретно, 1997. – 352 с.
12. Бунин, И.А. Публицистика 1918-1953 годов / И.А. Бунин. – М.: Наследие, 1998. – 640 с.
13. Бунин, И.А. Письма 1885-1904 годов / И.А. Бунин; под ред. О.Н. Михайлова. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 768 с.
14. Бунин, И.А. Письма 1905-1919 годов / И.А. Бунин; под ред. С.Н. Морозова. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – 832 с.
15. Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский. – М.: Изво Эксмо, 2004. – С. 190.
16. Есин, Б.И. История русской журналистики (1703-1917) / Б.И. Есин. – М.: Флинта, Наука, 2000. – С. 39.
17. Жид Андре. 80-летие И.А. Бунина // Возрождение. – Париж, 1950. – № 12. – С. 198.
18. Кондратенко, А.И. Очерки истории периодической печати Орловской губернии (1816-1928) / А.И. Кондратенко. – Орел: Изд-во ОРАГС, 2002. – 126 с.
19. Крайний, А. Литературная запись. Полет в Европу / А. Крайний // Современные записки. – 1924. – № 18. – С. 128-129.

20. Крайний, А [Гиппиус З.Н.] Необходимые поправки / А. Крайний // Последние новости. – 1924. – № 1162 (6 февраля). – С. 2.
21. Кройчик, Л.Е. Система журналистских жанров / Л.Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста. – СПб., 2000. – С. 304.
22. Куприн, А.И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9: Воспоминания, статьи, рецензии, заметки / А.И. Куприн. – М.: Художественная литература, 1973. – 336 с.
23. Лавров, В.В. Холодная осень: Иван Бунин в эмиграции (1920-1953), роман-хроника / В.В. Лавров. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 384 с.
24. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870-1909). – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – 911 с.
25. Литературное наследство. Иван Бунин. – Т. 84. – В 2-х кн. – М.: Наука, 1973. – Кн. 1. – 696 с.
26. Макеев, Н. «Современные записки». Книга № 32-ая / Н. Макеев // Дни. – 1928. – № 1285 (1 января). – С. 3.
27. Мальцев, Ю. Иван Бунин. 1870-1953 / Ю. Мальцев. – М.: Посев, 1994. – 432 с.
28. Муромцева-Бунина, В.Н. Жизнь Бунина (1870-1906). Беседы с памятью / В.Н. Муромцева-Бунина. – М.: Советский писатель, 1989. – 508 с.
29. Овсепян, Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – начало 90-х годов): учебное пособие / Р.П. Овсепян; под ред. Я.Н. Засурского. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 19.
30. П.М. [Милюков П.Н.] «Современные записки», книга XVIII // Последние новости. – 1924. – № 1157 (31 января). – С. 3.
31. Прохоров, Е.П. Искусство публицистики / Е.П. Прохоров. – М.: Советский писатель, 1984. – С. 51.
32. Рубашкин, А. Прямая речь. Очерки о советской писательской публицистике / А. Рубашкин. – Л.: Советский писатель, 1980. – С. 16.
33. Руцкий, А.Н. «Окаянные дни» И.А. Бунина: поэтика жанра / А.Н. Руцкий // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 6.
34. Сони́на, Е.С. Петербургская универсальная газета конца XIX века / Е.С. Сони́на. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 13-14.
35. Степун, Ф. Литературные заметки / Ф. Степун // Современные записки. – 1926. – № 27. – С. 345.
36. Струве, Г. Заметки писателя. 20 (31). Разочарованные «Отечественные записки» / Г. Струве // Россия. – 1928. – № 26 (18 февраля). – С. 3.
37. Стюфляева, М.И. Образные ресурсы публицистики / М.И. Стюфляева. – М.: Мысль, 1982. – С. 114.
38. Толстой, Л.Н. Смерть Ивана Ильича. Повести и рассказы / Л.Н. Толстой. – Л.: Худож. лит-ра, 1983. – С. 171-172.
39. Хирьяков, А. «Современные записки». Книга XXXII / А. Хирьяков // За свободу. – 1927. – № 212 (16 сентября). – С. 2.
40. Ходасевич, В. Книги и люди / В. Ходасевич // Возрождение. – 1938. – № 4157 (11 ноября). – С. 9.

(http://emigrantika.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3:rusparis&catid=2:biblio&id=636:bookv)

41. Цетлин, М. Иван Бунин. Роза Иерихона / М. Цетлин // Современные записки. – 1924. – № 22. – С. 449.

42. Шраер, М. Бунин и Набоков. История соперничества / М. Шраер. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015. – С. 90.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I. Отечественный период в творчестве И.А. Бунина	5
§ 1. Ранние литературно-критические статьи Бунина – первый шаг к публицистике	5
§ 2. Бунин-очеркист	21
§ 3. Публицистические выступления И.А. Бунина рубежа XIX-XX веков	30
§ 4. Знаковые события 1905 и 1917 гг. в сознании Бунина-публициста	36
II. Зарубежный период творчества И.А. Бунина	47
§ 1. Публицистические произведения И.А. Бунина в журнале «Современные записки»	47
§ 2. Проблемное пространство публицистики Бунина-эмигранта	63
Примечания	92

Учебно-методическое издание

Анжелика Александровна Дякина

ИВАН БУНИН – ПУБЛИЦИСТ

**Учебно-методическое
пособие**

Технический редактор – О. А. Ядыкина

Техническое исполнение – В. М. Гришин

Лицензия на издательскую деятельность

ИД № 06146. Дата выдачи 26.10.01.

Формат 60 x 84 1/16. Гарнитура Times. Печать трафаретная.

Печ.л. 6,0 Уч.-изд.л. 5,8

Тираж 300 экз. Заказ 36

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1